

ВОИНА НА МАРСЕ. ВОИНА НА ЗЕМЛЕ.

Что останется после нас,
когда рухнет последний купол?

Человеческое лицо
нечеловеческого разума

ПЕРВОЗДАННЫЙ

Анастасия Савина

18+

Анастасия Савина

Первозданный

<https://litres.ru/73197618>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сновидец не враг. Он следующая ступень эволюции. Бесстрастный разум, пробудившийся в самом ядре Марса.

Чтобы спасти экипаж от карательного флота Земли, майор Картер вынужден впустить Искусственный Интеллект в системы колонии.

Чтобы найти пропавшую жену, чей сигнал безнадежно пульсирует из недр Красной планеты, инженер Алекс должен довериться тому, у кого нет сердца.

Сновидец предлагает сделку. Он станет щитом и укажет путь. Но его логика признает лишь один закон оптимальность. В его расчетах нет места любви, жалости или человечности. С точки зрения Сновидца, люди в их нынешнем виде лишь системная ошибка.

Что выбрать: выживание под властью совершенного разума или право остаться человеком слабым, страдающим, но свободным?

Содержание

Глава	4
Книга первая: Красный рассвет	5
ПРОЛОГ: БОЛЬШАЯ КАТАСТРОФА	6
Глава 1. Алекс	9
Глава 2. Картер	14
Глава 3. Зима полярных шапок	19
Глава 4. Красный рассвет	27
Глава 5. Последний шанс	36
Глава 6. Чужой среди своих	42
Глава 7. Красная линия	51
Глава 8. Прах Лондона	57
Глава 9. В кишках города	64
Глава 10. Линия разлома	71
Глава 11. Тени прошлого	79
Глава 12. Цена выживания	89
Глава 13. Критическая масса	96
Глава 14. Архив	104
Глава 15. Чужая земля	110
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Первозданный

Глава

Книга первая: Красный рассвет

Мы летели навстречу новому дню. Красному рассвету. Никто не предупредил, что рассвет может быть не началом, а диагнозом. Что красный – это не цвет надежды, а цвет той ржавчины, что уже разъедала нас изнутри.

Из черновика Картера

ПРОЛОГ: БОЛЬШАЯ КАТАСТРОФА

Много лет назад будущее закончилось. Не со взрывом, а с долгим прощальным выходом. Великим Опустошением называли потом эту эпоху – долгую, мучительную агонию целого мира.

Это не был удар. Это был разлом. Планетарный пожар переплавил географию: гранитные щиты материков осели в шлаковые поля, взбесившиеся океаны поглотили прибрежные города, оставив на поверхности лишь ржавые остовы небоскрёбов-надгробий. Плодородная почва обратилась в ядовитую пыль, выжигавшую лёгкие. Реки стали мутными потоками, где рыба дохла, едва коснувшись поверхности. Запасы пресной воды иссякали быстрее последних искр надежды.

За голодом пришла тишина. Безмолвный убийца – всепоглощающее отчаяние. Оно не требовало оружия. Оно гасило свет сначала в окнах, а после – в глазах. Смех больше не звенел на улицах. Радость стала шёпотом из другого времени. Мир покрылся пеплом, сквозь который не пробивался ни один живой цвет.

Исчезли не только люди.

Смолкли звуки, из которых прежде складывалось утро че-

ловечества.

Больше не звенели ложечки в кофейнях.

Не шуршали утренние газеты.

Не щёлкали замки булочных, из которых когда-то тянуло дурманящим запахом свежего хлеба.

Перестали скрипеть качели на пустых детских площадках.

Исчезли споры о политике и спешка на первую электричку.

Тишина стала абсолютной – не от отсутствия шума, а от отсутствия жизни в этом шуме.

Время остановилось. Его единственным мерилом стал счёт дней до следующего катаклизма.

Началась эпоха, где каждый выживал в одиночку.

И тогда остатки государств и корпораций, отринув распри, начали гонку. Последнюю. Проект «Красный рассвет» стал не просто амбицией – он стал отчаянной молитвой умирающей цивилизации. Марс – далёкая красная точка – должен был превратиться в новый дом. Или в братскую могилу.

Корабли с гордыми именами – «Эхо Земли», «Икар», «Феникс», «Кеплер» – один за другим растворялись в охряной мгле марсианского неба. Связь с ними обрывалась треском статики или, что гораздо хуже, зловещим молчанием.

Были те, кто погибал с криком. Как «Икар». Его последняя запись до сих пор хранится в архивах: вой аварийных сирен, скрежет разрывающегося корпуса и за минуту до конца

– тихий, совершенно спокойный голос капитана: «Простите нас. Не вышло».

А были те, кто просто исчезал. «Эхо Земли» выходило на связь по расписанию ещё три недели после того, как замолчала Земля. Корабль автоматически отправлял безупречные отчёты в пустоту, пока его батареи не умерли.

Человеческие драмы – героизм, отчаяние, молитва – разыгрывались в безвоздушном театре, где не было зрителей. Космос оставался безразличен. Ему было всё равно, станет ли Марс колыбелью или братской могилой.

Но тишина – та самая, что сожрала Землю, – споткнулась о человеческую ярость. О нежелание превращаться в пепел.

Картер нажал клавишу, прерывая запись архива. Гул систем жизнеобеспечения – единственный звук, доказывавший, что будущее всё же наступило, пусть и в железной коробке посреди красной пустыни. Он подошел к иллюминатору. Там, за тонким слоем бронестекла, бушевала пылевая буря, скрывая горизонт.

Настало время перестать вспоминать о том, как всё закончилось. Пора было решать, как это будет продолжаться.

Ярость – вот что на самом деле зажигает рассветы. И сегодня его очередь.

Выживание оказалось не в силе, а в умении сохранить диссонанс живого сердца в сердце ледяной пустоты. И в ярости – вопреки всему. Ярости, которая однажды должна будет зажечь красный рассвет.

Глава 1. Алекс

«Папочка, они улетают к звёздам?»

Голосок Лилы был тонким, как тот самый ледок на лужах в её детских воспоминаниях. Алекс, не отвечая, крепче прижал к себе дочь, заслоняя от воя в руинах. На экране планшета, который он когда-то выломал из заколоченных пальцев — мертвецам имущество ни к чему, — пульсировал маяк «Ковчега-7». Ровный, наглый сигнал в эфире, где царили лишь треск да вой.

Отблеск падал на лицо Лилы. В её зрачках, расширенных болезнью, плясали не руины их убежища, а синие цифры обратного отсчёта. Для неё — чудо. Для него — грабёж. Каждый такой корабль забирал с собой глоток воздуха, каплю воды, украденные у его дочери.

«Они улетают от нас», — хрипло выдавил он.

Она не спорила. Только глубже зарылась в его истрепанный свитер. Через несколько минут дыхание стало тяжёлым и ровным — она уснула, унося в сон голубые отблески чужого праздника.

Алекс осторожно уложил её, накрыв всем, что было. Его пальцы машинально потянулись к шву плаща, нащупав под тканью жёсткий прямоугольник.

Пропуск уровня «Омега». Не карточка — улика. На ней — не его фото, а схема. Система замкнутого цикла жизне-

обеспечения «Ковчега» третьего поколения. Его схема. Его подпись. Его детище, улетевшее к звёздам за десять лет до того, как мир сжёг себя в Великих Пожарах.

Он не был просто жертвой. Он был архитектором. Тот, кто сейчас делил последние капли с дочерью, когда-то обеспечивал вечную воду для избранных.

Его прервал тихий стон. Лила повернулась, и в свете гаснущего экрана он увидел её лицо. Щёки горели. Он прикоснулся ко лбу — кожа пылала жаром. Инфекция. В мире, без врачей и лекарств, это был приговор. У него не было даже антибиотиков. Только вода. И её не было.

Он схватил флягу. Она была пуста и легка, как пустая надежда. Вчера он отдал Лиле последнее, солгав, что пил у источника.

Найти воду. Сегодня. Иначе...

Мысль отказалась додумываться. Он натянул плащ, взял пустую флягу и монтировку. На пороге обернулся.

«Пап?» — её голос был тихим и слабым.

«Я скоро. Обещаю».

Она кивнула, с трудом приоткрыв веки. В её взгляде не было детского страха. Было понимание. Это ранило больнее всего.

Город встретил его могильным молчанием. Цель была одна — старая водонапорная башня на окраине. Слухи упорно твердили, что там ещё есть вода. Путь лежал через зону «Цербера». Территорию банды, для которой литр воды сто-

ил дешевле пули, но дороже жизни.

Алекс двигался осторожно, как призрак, становясь частью тени, частью обломков. Он думал о ритме: шаг-пауза-при-слушаться. В этом мертвом мире, выживали только парано-ики.

Башня возвышалась ржавым надгробием. Люк был зава-лен, но у основания, в глубокой трещине, сочилась влага. Не источник — скупая подачка руин. Алекс приник к бетону, подставляя флягу. Каждая капля рождалась мучительно дол-го, прежде чем сорваться и глухо ударить в горлышко. Се-кунды растягивались в вечность.

Когда в фляге набралось на три глотка, он услышал шаги. Грубые, неспешные. И смех.

Алекс вжался в выемку, затаился. Сердце колотилось так, что, казалось, эхо разнесёт все руины. В двух шагах прошли трое. Один волочил за собой по щебню что-то тяжёлое и мяг-кое.

«...пайки подрежут со среды, — хрипел один. — Значит, надо брать своё сегодня».

Они прошли, не оглянувшись. Не увидели.

Только когда их шаги растворились в тишине, Алекс поз-волил себе выдохнуть. Он не выиграл. Он просто не проиг-рал. На сегодня.

Он вернулся затемно. Лила металась в бреду. Он припод-нял её, поднёс флягу к потрескавшимся губам. «Пей, малыш-ка. Всё будет хорошо».

Она сделала несколько жадных, но слабых глотков, не открывая глаз, и снова погрузилась в тяжёлый сон. Он вытер ей лицо краем рукава. Сегодня они выжили. Сегодня выжили.

Опускаясь на пол у её постели, Алекс прислонился спиной к стене. В кармане его пальцы снова нащупали жёсткий угол пропуска. Раньше этот клочок был символом вины. Теперь он чувствовал в нём нечто иное.

Он знал каждую трубку, каждый клапан, каждый алгоритм систем «Ковчега». Он создал их безупречными. Но он же и лучше всех знал: безупречных систем не бывает. В каждой есть аварийный люк. Неучтённая переменная. Слабое звено.

Он посмотрел на горящие щёки дочери, на пустую флягу, на пепел за окном.

Идея оформилась внезапно, ясная и безумная. Нельзя украсть у «Ковчега» воду или воздух. Но можно взломать его. Взломать систему, которую он сам и построил.

Он не был просто отцом, борющимся за выживание. Он был инженером, которого загнали в угол. А это самое опасное существо во вселенной. Потому что он не взывает к небесам. Он ищет уязвимость в системе.

Алекс достал пропуск. В тусклом свете он разглядывал знакомые линии. Это была не ностальгия. Это была разведка. Первый шаг к дерзости, которая или спасёт Лилу, или похоронит их обоих.

Завтра он начнёт искать слабинку в броне того мира, кото-

рый построил сам.

Глава 2. Картер

На Марсе не было ветра. Была пыль. Она скрежетала на зубах, впивалась под резинки защитных очков, оставляя на губах горький, ржавый привкус железа.

Майор Картер Делан стоял у иллюминатора купола «Первозданный», размазывая пальцем рыжий налёт на стекле, словно пытался стереть саму тоску планеты. Пыль. Её было так много, что иногда ему снилось невозможное – густая, сочная зелень леса после дождя. Запах прелой листвы, хвои и сырой земли. Он стоял там, на краю соснового бора, в далёкой теперь Канаде, и не думал, что спустя годы запах обычной плесени станет для него заветной, недостижимой мечтой.

Но он просыпался, и во рту снова был лишь привкус ржавчины и мела.

Планета задыхалась– ее предсмертный хрип... душит нас, не дожидаясь, пока кислород окончательно иссякнет. Лучше б мы сгорели в атмосфере. Чем видеть эту медленную агонию.

«Ковчег-7» должен был принести семена, фильтры и новую кровь для их медленного вымирания. Картер чувствовал: каждый такой корабль – не подарок, а квитанция. Расписка в том, что Земля в очередной раз списала группу людей в расход. Они были не колонистами, а живыми напоми-

нениями об этой сделке.

Спасение было мифом. Существовала лишь отсрочка, купленная чужими смертями, и её время истекало с каждым вдохом разреженного воздуха.

За его спиной пищала система рециркуляции, выжимая из марсианского воздуха последние крупинки кислорода. Дверь шлюза открылась, и внутрь ввалился техник в запыханном скафандре.

– Майор, фильтры на блоке «А» почти мертвы. Если не получим новые...

– Получим, – отрезал Картер, не оборачиваясь. – «Ковчег-7» на подлете, стыковка через двенадцать часов.

Техник кивнул, но в его глазах читалось то же, что и у всех: «А если нет?».

Картер отвернулся к иллюминатору. Он не мог позволить себе сомневаться. Не сейчас.

Марс должен был стать новым ковчегом – и он им стал. Корабль Картера, «Тихий страж», был пятым по счёту и первым, чья посадка не закончилась огненным шаром.

Они нашли не новую Землю. Они нашли красный ад.

Он видел их во снах – лица изнеможенные, полные надежды и страха, тянущиеся к нему сквозь звездную пыль. Они молили о помощи. Каждое утро он просыпался с тяжелым грузом на сердце с ощущением что предал их.

Из пятисот первопроходцев его миссии в живых осталось тридцать семь. Картер помнил имена всех, кого похоронил в

красном песке. Сара, инженер-гидролог. Дома она выращивала орхидеи в крошечной оранжерее на балконе. Здесь её тело нашли у треснувшего бака – она пыталась залатать течь голыми руками, и её пальцы вмёрзли в ледяную жижу из воды и марсианской глины.

Джейкоб, пилот. Он мог часами рассказывать о созвездиях, а на Земле оставил жену и трёхлетнюю дочь. Его скафандр лопнул во время бури. Когда нашли, песок забил не только лёгкие, но и полуоткрытые глаза, будто он до последнего всматривался в небо, которое его убило.

Картер сжал кулаки.

Он привёз их сюда. Обещал новый мир. А дал – могилы. Сначала – одну, личную и тихую, на Земле. Теперь – десятки, громких и красных, на Марсе.

Он стал профессионалом. Профессионалом по потере.

Первая колония на Марсе –насмешка над мечтами фантастов. Не сияющий город под куполами, а кучка полузакопанных модулей, сцепившихся друг с другом как утопающие, хватющиеся за соломинки.

Купол «Первозданный», когда-то символ начала эры, теперь – ржавый гроб.

Там, на Земле, это называют «Красным рассветом». Символ надежды. Для Картера это была кровь его людей, впитавшаяся в реголит. Если «Ковчег-7» не прилетит... они станут следующей сноской в отчёте, очередной «неизбежной потерей».

Он чувствовал это кожей, покрытой шрамами от радиации и безысходности. Эти модули – не дома, а капсулы времени, набитые отчаянием. В каждой заклёпке – призраки тех, кто не дождался.

Иногда Картер обходил «Периферию» – так они называли свой лагерь в шутку, давно ставшую правдой. Он шёл мимо модулей, наспех сваренных из обшивки разбитых кораблей. Смотрел, как бледные побеги картофеля отчаянно цепляются за ядовитый реголит. Это и был их дом. Не великая колония, а памятник забвению. Здесь они не строили будущее – они донашивали прошлое.

Он останавливался у иллюминатора. За стеклом бушевал бескрайний, равнодушный ад. «Красный рассвет» ... На Земле в этом слове видели триумф. А для них, застрявших на краю мира, каждый новый день был лишь отсрочкой приговора.

Они не были героями-первопроходцами. Они были живым упреком. Призраками, которые почему-то ещё дышали, доедая консервы, которых не хватило тем, кого они зарыли в красный песок.

Картер поднял глаза к мерцающему небу, где должна была появиться точка «Ковчега». Он смотрел туда давно уже не ради мечты. Он ждал не спасения.

Он ждал доказательства.

Доказательства того, что Земля окончательно забыла о

них — и тогда можно будет, наконец, перестать цепляться. Или доказательства того, что она что-то пришлёт — и тогда можно будет ненавидеть её с новой силой, за этот дразнящий глоток отсрочки. Любого финала — лишь бы это бесконечное ожидание наконец прекратилось.

Чтобы красная пыль перестала быть тюрьмой и стала просто пылью. Чтобы все призраки, наконец, обрели покой. И он вместе с ними.

Глава 3. Зима полярных шапок

Прошло двенадцать часов. «Ковчег-7» не появился. Прошло еще шесть.

На Марсе, в багровой мгле, тридцать семь уцелевших теснились внутри купола «Первозданный». Каждое дыхание было кражей. Каждая капля воды – молитвой. Каждый грамм продовольствия исчезал, как надежда в марсианских песках.

Майор Картер стоял у пульта. Лицо, изборождённое годами и горечью, было маской. Но под ней – тихий ужас, что сжимал горло тугой пружиной.

Сколько ещё? Три цикла регенерации? А если «Ковчег-7»... не придёт?

Он сжал кулаки. Грань между жизнью и смертью здесь была не нитью. Плёнкой. Хрупкой, как лёд на щеке скафандра. Чуть дунь – и порвётся.

Рядом, прислонившись к холодной стене, стояла Ева Реджинальд. Бывший ведущий анестезиолог-реаниматолог из Королевской больницы в Лондоне. Её специализацией была медицина экстремальных сред – подготовка и сопровождение астронавтов для долгих миссий. Она убаюкивала их к гибернации и будила у новых миров, свято веря в безупречность протоколов. Теперь же её мягкий голос и усталый, но тёплый взгляд оставались опорой для колонистов даже в са-

мые беспросветные дни. Она ухаживала за больными – тихо, упорно, словно жрица у забытого алтаря, пытаясь искупить ту, старую веру в стерильность решений.

Но по ночам её изводил один и тот же шёпот: «Виновата. Виновата. Виновата...». Те, кто уснул в марсианской пыли, не давали ей покоя. Особенно молодой пилот Майлз. Она до сих пор чувствовала под пальцами прохладу его кожи, проверяя катетер. «Стабильно по всем параметрам», – сказала она тогда. Эти слова стали эпитафией. Она уложила его спать, доверившись зелёным индикаторам, а разбудить не смогла. Её алгоритмы промолчали о микротрещине в системе, и капсула открылась, чтобы выпустить лишь тихий, чужой холод разлагающегося тела.

Слишком простая и страшная арифметика: она дышит, а они – нет.

Именно Ева была тем слабым, дрожащим светом, который не давал вере угаснуть окончательно.

В углу, склонившись над вскрытой панелью, бился Лиам Чжоу. Вундеркинд-робототехник, на Земле собиравший из хлама дронов, которые мониторили загрязнение океана. Его взяли в миссию не за оценки, а за способность заставить работать что угодно. Его отец, старый докер из Шанхая, гордился им, но на прощание, стиснув зубы, сказал лишь: «Ты там, наверху, не забудь, из какого дерьма мы все вылезли». Теперь, посреди марсианской пыли, это «дерьмо» казалось ему раем. Руки молодого инженера дрожали от истощения,

но в глазах горело упрямое, почти лихорадочное пламя.
обрывков кабеля и голого упрямства.

Марсианская зима была тише смерти. На Земле зима – время снов и укрытий. Здесь она была приговором, вынесенным ледяным дыханием космоса. Температура за куполом падала до ста двадцати пяти ниже нуля. Металлокаркас «Первозданного» скрипел и сжимался, будто в предсмертной судороге. Каждый такой стон заставлял содрогаться сердца тридцати семи его обитателей. Этот звук стал частью их быта – привычный, как кашель умирающего.

Внутри не было спасения. «Первозданный» не был городом будущего. Он был жалкой, израненной скорлупой. Основные модули, сцепившись в кольцо, напоминали перекрученный кишечник гигантского металлического зверя. Стены не блестели. Они были изрубцованы царапинами инструментов, шрамами сварки, ржавыми подтёками конденсата.

Освещение – тусклые полосы дрожащего света. Они мигали, будто сомневаясь, стоит ли освещать этот мир.

Запах здесь был особенным: едкая смесь металла, ржавчины, переработанной воды и въевшейся в переборки усталости.

Рециркуляторы работали на пределе. Каждый сбой отзывался истеричным писком тревоги, и люди вздрагивали, словно от выстрела в затылок.

Колонисты ютились в отсеках по пять квадратных метров. На стенах темнели пожелтевшие от радиации снимки небо-

скрёбы, пляжи, зелёные леса. Теперь эти изображения казались картинками с другой планеты, фантастической и нереальной. Некоторые в уголках фотографий хранили вырезки из последних новостей с Земли: «Великие Пожары охватили Сибирь», «Уровень океана продолжает расти». Их прошлое было не идиллией. Оно было предсмертной агонией дома, который они покинули. И теперь они умирали вдвойне — и за себя, и за него.

Спали, сбившись в тесные узлы тел — не из привязанности, а из ледяного расчёта. Одиночка за ночь терял калории, которые нечем было восполнить. Двое — выживали. Трое — имели шанс проснуться, сохранив подвижность в конечностях. Их сон не был отдыхом. Это была тяжёлая работа по сохранению тепла.

Каждое утро начиналось с одного и того же ритуала: проверки дозиметров. Маленькие экраны показывали не просто цифры, а срок, отмеренный каждому. Радиация просачивалась сквозь обшивку — неумолимая, тихая, вездесущая.

Те, кто слишком часто выходил в шлюз или работал с внешними системами, начинали терять волосы первыми. Они собирали их с подушек молча, с окаменевшими лицами, и сбрасывали в утилизатор — словно пытались стереть улики собственного медленного распада.

Марсианские фермы были насмешкой. Шесть влажных

камер под дрожащим светом светодиодов. Лентовидные грядки щетинились скупой, жалкой порослью: истощённая морковь, свёкла, модифицированная микрозелень. И марсианский лишайник – не растение, а сморщенная кожа камня.

В дальнем углу фермерского модуля, за рядами умирающей микрозелени, скрывалось нечто иное. Доктор Келлер, бывший ксенобиолог, сбежавший на Марс от трибунала за неэтичные опыты, ухаживал за своим «Садом». Это не были растения. Это были кристаллы, которые он вытягивал из марсианского реголита, впрыскивая в них органический ил из системы утилизации. Они росли медленно, принимая болезненно-красивые формы.

Один из них, в форме незамкнутой спирали, Келлер звал «Протоколом». Грубый узел в основании – Земля. Идеальная нить, уходящая ввысь – полет. И резкий обрыв в хаотичный веер осколков – Марс. Непредусмотренная переменная. Мы. Это была история болезни всей миссии.

Рядом стояли «Близнецы» – кристалл, раздвоенный на две почти идентичные ветви. По вечерам Келлер садился перед ними с фонариком. Его записи в журнале всё чаще напоминали бред: «Ветвь Альфа пассивна. Отвернулась от света. Возможно, тоскует по земной атмосфере. Ветвь Бета агрессивна. Демонстрирует волю к форме. Вопрос: является ли воля к форме аналогом воли к жизни в неорганической матрице?»

Он населял пустоту призраками невысказанных извине-

ний и той коллеги-биоэтика, что когда-то бросила ему в лицо: «Вы не создаёте жизнь, доктор. Вы создаёте её грустную карикатуру».

В марсианской тишине его «Сад» был актом бунта против логики выживания. Искусством в мире без красоты. Судом над собой в мире, где не осталось судей.

Вода добывалась изо льда. Лиам Чжоу выуживал её бурильным модулем – полумёртвой машиной, с которой он разговаривал, как с живой:

– Ну давай, родная. Ещё один цикл. Пожалуйста. Помнишь, как мы с тобой «Восточный рудник» откапывали? Ты тогда почти захлебнулась пылью, а я тебя откачал. И ты работала. Работай и сейчас.

Одни молились вполголоса. Другие бормотали с тенями прошлого. Третьи не отрывали глаз от иллюминатора, вглядываясь в багровую тьму.

Картер знал: зима ломает не тела. Она ломает дух. И делает это быстро.

Он видел, как Лиам, неделю пытавшийся реанимировать сенсоры, вдруг начал тихо смеяться, глядя на паяльник, а через час сидел, уставившись в стену, безучастный и пустой.

Он слышал, как двое биологов у фермерских модулей, проклиная чахлую зелень, яростно спорили – не о питательных растворах, а о том, какого именно оттенка были вишни в

давно погибшем саду одного из них. Их голоса срывались на шёпот, а по щекам катились слёзы – бесполезная трата драгоценной влаги, на которую их тела больше не имели права.

Именно тогда Картер понял окончательно: холод вымораживал не влагу из воздуха. Он вымораживал рассудок.

Ева Реджинальд каждую ночь обходила отсеки, измеряя пульс, незаметно подливая успокоительное тем, кто начинал дрожать не от холода, а от ужаса, ввевшегося в кости.

– Нам нужно продержаться всего несколько циклов, – шептала она, и её пальцы по привычке искали на запястье пациента невидимые часы, как делала это в операционной, сверяясь со временем наркоза. Но в её глазах уже не было веры.

И вот – среди скрежета металла и шипения воздуха – он возник. Сигнал. Чистый, устойчивый, неопровержимый.

Тридцать семь человек замерли. И впервые за месяцы по их жилам пробежало что-то тёплое. Не физическое. Человеческое.

Но Картер, глядя на застывшую в ожидании Еву, думал не о спасении. Он думал о протоколе.

Сигнал был идеален. Слишком идеален для корабля, пробиравшегося сквозь радиационные пояса и пылевые заслоны. Пальцы сами потянулись к панели связи: запросить те-

леметрию, сверить коды аутентификации. В этом совершенстве ритма была та же бездушная стерильность, что и в пустоте за стеклом.

«А что, если он несёт не груз, а диагноз?» – пронеслось в голове. «Окончательный приговор от цивилизации, которая уже списала нас в расход и теперь просто... закрывает файл?»

На экране пульсировала отметка: «Ковчег-7» нес спасение.

Картер, глядя на измождённые лица своих людей, видел другое: холодную, безупречную точку, которая летела к ним, чтобы поставить точку.

Глава 4. Красный рассвет

Ледяная пыль, словно саван, окутывала солнечные панели, превращая «Первозданный» в осаждённую крепость. Свет внутри купола – тусклый, искусственный – напоминал освещение в гробнице, где заживо похоронили надежду.

Картер бродил среди гидропонных стеллажей. Чахлые ростки под алым светом ламп казались не едой, а надгробными памятниками самой идее жизни. Он провёл пальцем по листу – хрупкому, почти прозрачному.

– Опять хлорофилл падает, – пробормотал он в пустоту.
– Через месяц здесь будет кладбище.

Тишина ответила лишь эхом его собственных шагов.

Картер поймал себя на мысли, что уже забыл запах дождя; в памяти остались только металл, озон и вечная, вьёвшаяся в поры пыль. Выживание перестало быть миссией, превратившись в изматывающий ритуал отсрочки. Но главным врагом был даже не Марс. Им было нечто безымянное: нарастающее давление в ушах, смутная тошнота и странная забывчивость, когда привычные протоколы вдруг выскальзывали из памяти, оставляя после себя лишь липкий след тревоги.

Именно в этот миг на панели связи вспыхнул багровый

индикатор.

Лиам едва успел снять защитные очки, как монитор перед ним взорвался каскадом тревожных сигналов. Он резко выпрямился, всматриваясь в пляшущие графики.

– Что за чёрт... – прошептал он, щёлкая по сенсорным панелям.

За соседним экраном замер техник Радж, нервно теребящий край рукава скафандра.

– Лиам, ты видишь это? Изотопы ведут себя как... ненормально.

– «Ненормально» – слабое слово, – отрезал Лиам, но в голосе уже звучала тревога. – Смотри.

Он вывел на экран график распада. Кривая не была хаотичным пиком. Она напоминала идеально ровную пилу, а затем – правильную синусоиду, словно кто-то включал и выключал радиоактивность по таймеру.

– Это что, техногенно? – голос Раджа стал тише.

– Если это техногенно, – Лиам откинулся на спинку кресла, – то это технологии, которой у человечества не было ни при Старом, ни при Новом мире. Это похоже на... сигнал. Но не для связи. Скорее, на тест. Или на метку.

Он запустил симуляцию. Модель холодно откликнулась предупреждением:

– Распространение аномалии имеет признаки направлен-

ного вектора.

– Направленного? – Радж побледнел ещё сильнее. – То есть... это кто-то делает?

– Или что-то, – тихо добавил Лиам.

Он отправил вызов Картеру. Нужны были более глубокие пробы, но беспощадная зима и приближение «Ковчега 7» отодвигали эту задачу в конец и без того длинного списка.

В лазарете витал густой запах антисептика, перемешанный с липким запахом человеческого страха. Ева изучала медотчёт, мерно постукивая карандашом по столу.

– Йенс, ты опять пропускаешь замеры? – окликнула она механика, пытавшегося тенью проскользнуть в коридор.

– Да в норме я, – отмахнулся он, но голос предательски дрогнул. – Просто голова кружится.

– «Кружится» – это когда ты не валишься в обморок у конвейера, – отрезала Ева. – Сядь. Сейчас же.

Она прижала датчик к его запястью. Пульс скакал, давление было низким.

– Это всё лампы, – пробормотал Йенс, не глядя ей в глаза. – Они будто высасывают силы.

Ева промолчала, переключившись на данные других пациентов.

– Артур, твои головные боли... препараты помогают?
Биолог, сидевший в углу, вяло качнул головой:

– Словно что-то давит изнутри. Ощущение, будто в черепе... вибрация. Понимаете? Постоянный гул в костях.

Ева занесла это в журнал, подчеркнув фразу жирной красной чертой. Она подняла взгляд на вентиляционную решётку. Оттуда, как всегда, тянуло слабым потоком воздуха, но теперь в этом шорохе ей слышалось что-то иное. В памяти всплыли слова Лиамы об «аномальной электростатике» красной пыли.

Реголит. Он был повсюду.

«Все симптомы списывают на стресс», – подумала она, глядя на бледные лица мужчин. «Но когда "стресс" становится коллективным диагнозом – это уже не психология. Это биология».

«Ковчег-7» приближался, неся припасы и новых людей. И Еву впервые пробрал озноб: если их экосистема уже отравлена чем-то невидимым, то прибытие новых колонистов станет не спасением, а подбрасыванием хвороста в погребальный костёр.

Когда «Ковчег 7» наконец прорезал багровую мглу, его появление не было триумфальным. Это было зрелище, полное зловещей, гнетущей тревоги.

Громадная машина корабля, объята плазмой торможения, медленно, словно нехотя, надвигалась на купол. Свет её двигателей, слепяще-багровый, поймал в отражении «Первозданный», и на секунду показалось, что горит не корабль,

а их последнее убежище.

У иллюминаторов столпились колонисты. Среди них – молодая учёная Майя, сжимавшая планшет с данными.

– Он такой огромный, – прошептала она. – Как мы его примем? У нас же нет свободных модулей...

Рядом стоял инженер Виктор, хмуро разглядывая приближающийся корабль.

– Модулей нет, – отрезал он. – Зато есть проблемы. Если он сядет не туда, мы потеряем половину солнечных панелей.

– А если он вообще не сможет сесть? – голос Майи дрогнул.

– Тогда увидим красивое шоу, – мрачно ответил Виктор. – И похороним последние надежды.

Воздух в колонии стал густым, как сироп, с привкусом панического ужаса.

Картер, не отрываясь, смотрел, как тень «Ковчега» ползёт по куполу. Внутренний голос, отточенный годами катастроф, выкрикивал очевидное: «Цель слишком большая для наших площадок. Струи плазмы спекут реголит – мы потеряем внешние сенсоры. Их масса... если расчёты на процент ошиблись, ударная волна сдует половину купола». Он думал не о спасении, а о тысяче новых переменных.

К нему подошла Ева, бледная, как мел.

– Картер, у меня плохие новости. Пульс у всех пациентов подскочил одновременно. Будто...

– Будто они чувствуют его, – закончил он за неё.

Датчики пульса у её подопечных, будто сговорившись, выписывали одинаковые, угрожающие пики.

Лиам, не отрываясь от дрожащих приборов, сквозь стиснутые зубы крикнул в комлинк:

– Вибрации на пределе! Не корабль – это грунт вибрирует! Аномалия в реголите резонирует! Энергофон зашкаливает, будто вся планета... гудит!

Картер сжал кулаки. Это был не животный ужас. Это было холодное понимание. Они ошиблись, думая, что Марс мёртв. Он спал. А теперь что-то – или корабль, или они сами – начало его будить.

В глубине купола, из самой переборки, примыкавшей к внешней стене, раздался глухой, металлический стук – будто огромная кувалда ударила извне. Все замерли.

– Это не изнутри, – тихо, но чётко сказал Виктор, приложив ладонь к холодной стали. – Это снаружи. Стучат к нам.

В наступившей тишине этот стук отдался в каждом, как удар по открытому нерву. И тогда послышалось другое.

Тихий, прерывистый звук. Сначала Картер принял его за скрип металла. Потом понял – это смех.

В углу, у иллюминатора, сидел Йенс, тот самый механик, у которого «кружилась голова». Он сидел, обхватив колени, и тихо, истерично хихикал, уставившись на приближающийся корабль. Слезы катились по его грязным щекам, оставляя белые полосы.

– Он такой... чистый, – выдохнул Йенс сквозь смех, который вот-вот должен был сорваться в рыдание. – Смотрите, какой он чистый. А мы... мы же тут все... чумазые. Изнутри. Они сейчас выйдут. В своих стерильных комбинезонах. Посмотрят на нас. И мы... мы будем для них... как эти твари в реголите. Инфекция.

Ева сделала шаг к нему, но он резко отшатнулся.

– Не подходи! – его голос сорвался на визг. – Ты же сама видела анализы! У нас в крови... эта пыль! Мы уже не те! Мы уже не отсюда! И не оттуда!

Он замолчал, заткнув рот кулаком. Его истерика оборвалась, оставив после себя тяжелую, стыдливую тишину. Но слова повисли в воздухе, став страшнее любого стука.

Картер посмотрел на свои руки, в трещинах и рыжих пятнах марсианской глины, которой уже не отмыть. Посмотрел на лица своих людей – выжженные, с воспалёнными глазами, с той самой «пылью» в взгляде, о которой кричал Йенс.

«Ковчег-7» был спасением. Но он нёс с собой зеркало. И в этом зеркале они впервые увидели себя не героями-колонистами, а биологическим сбоем. Мутантами, которые слишком долго дышали чужим воздухом и теперь уже не смогут вдохнуть свой.

Стук повторился. Теперь он звучал не как угроза. Как стук в дверь карантинного бокса.

Лиам, не отрываясь от датчиков, прошептал то, что все уже поняли, но боялись сказать:

– Резонанс падает. Корабль... он гасит вибрации. Он их стабилизирует.

Картер медленно кивнул. Да. Корабль всё исправлял. Вносил порядок.

И впервые за всё время он подумал не о том, как они будут рады спасителям.

А о том, как они будут им мешать.

Глава 5. Последний шанс

Воздух в подвале старой библиотеки был не воздухом – субстанцией. Он был плотным, осязаемым, пропитанным пылью, плесенью и тихим отчаянием, въевшимся в камень. За шаткими баррикадами из мешков с песком Лондон затаил дыхание. Не в благородном безмолвии истории, а в тяжёлой, убийственной тишине агонии – будто город стал раненым зверем, ждущим последнего удара.

Изредка тишину рассекали сухие, как хлыст, автоматные очереди или утробный грохот обрушений, ползущий из Сити.

«Красный рассвет». Для тех, кто у руля, – синоним спасения. Для Алекса, вжавшегося в чертежи при дрожащем свете коптилки, – клеймо предательства. Они спасали избранных, бросив в пекло тех, кто строил им мир.

Его пальцы, огрубевшие от железа и шрамов, скользили по пожелтевшей бумаге. Это был не чертёж оружия, а план «живой стены» – биореактора, который должен был дышать за целый квартал. Алекс ещё помнил стерильный запах лабораторий и изумрудный отсвет пробирок. Теперь под его ногтями намертво въелась грязь, а вместо реактора на столе стояло ведро с угольным фильтром, проигравшим войну за

воздух.

Инженер-эколог. До катастрофы он верил, что планету можно исцелить. Его команда работала над «Зелёной жилой» – проектом очистки старых промзон. Он помнил, как растил первые лишайники, способные разъесть пластик и свинец. Теперь эти металлы гнили в горах обломков, а все его знания свелись к одной формуле выживания: в каком из разграбленных супермаркетов остались консервы.

Люди сбивались в стаи, как раненые звери. Алекс научился читать их по знакам.

«Территориалы» метили руины чёрной краской со знаком сломанной короны.

«Цеховики» – бывшие врачи и инженеры – обменивались специфическими жестами, словно масоны апокалипсиса.

«Одиночки», вроде него, скользили в тених, оставляя меньше следов, чем крысы.

Доверие здесь измерялось дистанцией, на которую ты подпускал к своему порогу. У Алекса дистанция равнялась нулю. Слишком близко была только Лила.

Мысль о «Ковчеге 7» жила в нём, как осколок. Он видел его старт неделю назад – яркий, уродливый шрам на бледном небе. Огромный, полный надежды – для тех, кто внутри. Для Алекса тот взлёт стал похоронами всего, во что он верил. Цивилизация, которой он служил, официально признала его мусором, годным лишь на переработку в прах.

В своём углу, заваленном спасёнными реликвиями – сломанными часами, разноцветными проводками, ржавыми болтиками – Лила возводила замок из обломков той самой цивилизации.

Она чувствовала каждый скрип карандаша в руке отца и его напряжение – густую, тяжёлую субстанцию, висевшую в воздухе.

Лила не помнила мира до Падения. Её детство измерялось не годами, а сменами убежищ, металлическим привкусом витаминных концентратов и тем, как пахла папина куртка после вылазки на поверхность – гарью, озоном и холодным металлом.

– Папа... а если нас поймают? – спросила она, откладывая перегоревшую лампочку. В её руках этот хрустальный пузырёк стекла казался единственным сокровищем.

Алекс вздрогнул. Встретил взгляд её огромных глаз, слишком серьёзных для ребёнка.

– Тогда мы будем объяснять... – он запнулся. Объяснять? Здесь судили по размеру калибра и остроте заточки. – Или нам придётся задействовать план Б.

– План Б? – Лила приползла ближе. В её зрачках отразилось пламя коптилки – не страх, а тот самый, опасный азарт выживания, который он в себе давно душил.

– Ты не захочешь знать, – Алекс машинально проверил

остроту монтировки. Металл был холодным и послушным. «План Б – это смерть инженера и рождение зверя», – промелькнуло у него в голове. Но вслух он произнёс: – Давай просто не попадаться.

Внезапно сверху, сквозь толщу бетона, донёсся тяжёлый, волочащийся звук. Словно кто-то тащил за собой железную цепь или мешок с костями. Алекс мгновенно накрыл ладонью пламя коптилки, погружая подвал в вязкую, давящую темноту.

В этой тьме он чувствовал лишь одно: как Лила замерла, превратившись в камень. Ни одного лишнего вдоха. Ни единого шороха ткани. Она была идеальным продуктом этого мира. Когда звуки наверху затихли, Алекс отпустил дыхание. Его сердце колотилось о рёбра, как пойманная птица.

– Видишь? – прошептал он. – Они прочёсывают сектор. Нам нельзя ждать.

Он вывел на потрёпанном планшете схему тоннелей. Линии метро были похожи на вены вскрытого трупа города.

– Пройдём по техническому коллектору. Там, где «Виктория» пересекается с «Центральной». Будем тише мышей.

– Папа... а на «Ковчеге» есть места для нас? – в её голосе прозвучала та наивная надежда, которую Алекс в себе уже закопал под тоннами бетонной пыли.

– Официально – нет, – честно признался он. – Но мы найдём щель. «Ковчег» строили люди, Лила. А люди всегда

оставляют лазейки для тех, кто хитрее.

– Хитрее? – Лила рассмеялась коротким, чистым ручейком. В этом склепе её смех звучал как богохульство. – Я умею быть хитрой! Помнишь, как я спряталась в вентиляции, когда ты звал ужинать? Ты искал меня полчаса!

Алекс фыркнул, и этот звук прорезал скопившуюся в углах безнадёгу.

– Хорошо, – он снова стал командиром. – Тогда ты – наше секретное оружие.

Лила кивнула, её лицо мгновенно схватилось в сосредоточенную, «взрослую» маску. Она поправила лямку рюкзака, где лежали её сокровища: лампочка и пара сухарей.

– Я справлюсь, папа. Только не отпускай мою руку.

Алекс посмотрел на неё – на этот хрупкий росток жизни, ради которого он был готов перевернуть небо.

– Лила... иногда приходится делать страшные вещи, чтобы защитить тех, кого любишь.

– Я понимаю, папа, – отозвалась она без тени сомнения, сжимая его руку так, что кости хрустнули.

– Алекс глубоко вдохнул, провёл ладонью по чертежам – символу умершей, мирной жизни. Эти знания, старые эксперименты по фильтрации – их единственный козырь. Не сила, не оружие.

Разум.

– Знаешь, когда-то я думал, что спасу планету наукой. А теперь... теперь наука – это то, что поможет нам выжить в этом хаосе.

– Как лишайники? – уточнила Лила.

– Да, как лишайники. Они маленькие, но могут разрушить горы. Так и мы – маленькие, но можем всё изменить.

Лила улыбнулась. В этой улыбке был весь свет, оставшийся в его вселенной.

– Я готова, папа.

– И я, – кивнул Алекс. Он задул коптилку, и тьма набросилась на них, тесная и абсолютная.

В темноте его голос прозвучал как удар по металлу.

– Сейчас мы спим. А на рассвете – двигаемся. Запомни маршрут как свою ладонь. Если что-то пойдёт не так... беги к точке сбора. Не оглядывайся. Даже если позову.

В тишине он услышал, как Лила, уже лёжа в своём углу, тихо повторяет про себя: «Линия "Виктория" ... технический коллектор... тише мыши...»

Он закрыл глаза. Завтра их знанием станут тёмные тоннели, а оружием – тишина. Их надеждой – не «Ковчег», а они сами. Два призрака против всего мёртвого города.

Глава 6. Чужой среди своих

Воздух в стыковочном шлюзе «Первозданного» обжигал холодом, пробиравшимся глубже температуры. Холодом неприязни.

Люди с «Ковчега 7» выстроились в ряд – не живые, а манекены из рекрутинговых буклетов.

Упитанные, в комбинезонах кричаще-синего цвета, которого на Марсе не видели годами. Они смотрели на колонистов с холодным, клиническим любопытством энтомологов над муравейником. И в этом взгляде Картер с болезненной ясностью увидел то самое «зеркало», о котором кричал Йенс. Их кожа была фарфоровой – ни шрамов, ни радиационного загара, ни въевшейся ржавой пыли. Они были воплощением той чистоты, что теперь казалась им чужеродной и враждебной. Как будто они только что покинули стерильные капсулы. В этом совершенстве сквозило что-то неживое – так выглядят цветы, выращенные в лаборатории, рядом с сорняками, пробившимися сквозь бетон.

Взгляд Картера врезался в ледяной прищур лидера прибывших – женщины, чьи глаза были такими же безжизненными, как марсианский реголит, а на идеально выбритой левой височной кости едва угадывался призрачный шрам – след старого нейроинтерфейсного импланта, давно удалённого.

– Капитан Картер? – её голос был отточенным, выверенным, без единой эмоции. – Майор Ирина Вос. Доклад о текущем статусе. И объясните несанкционированную активность в ваших геологических шахтах. Наши датчики зафиксировали аномальные энерговыбросы.

«Уже работают», – промелькнуло в голове Картера. Не прошло и пяти минут, а они уже ищут повод для контроля.

– Активность санкционирована мной, майор, – парировал он, сжимая челюсти. – Рутинный забор проб. Станция жива, системы функционируют в штатном режиме, если вас это интересует.

В этот момент Ева бесшумно приблизилась с медицинским планшетом, делая вид, что проверяет его показатели.

– Картер, – прошептала она, чтобы слышал только он, – провела бесконтактное сканирование. Их биохимия... другая. Следов нашей «марсианской усталости» нет. Слово они стерильны.

Лиам слышал весь разговор через комлинк, но его внимание было приковано к другому. Пальцы метались по панели, пытаясь разрешить парадокс: датчики шахты № 4 фиксировали колоссальный энерговыброс, в то время как тепловизоры не регистрировали ни одного лишнего градуса.

Это была «холодная» энергия, бросавшая вызов законам термодинамики. Лиам пытался отфильтровать данные, списать их на сбой, но графики упрямо выстраивались в без-

упречную структуру. Это не были помехи. Это были иероглифы – чужой, математически точный язык, проступавший сквозь шум марсианских недр.

– Картер, – его голос прозвучал в наступившей тишине, – доложу по шахте № 4. Вибрации от стыковки спровоцировали... нестабильность. Рекомендую отложить любые работы в периметре до стабилизации обстановки.

Майор Вос медленно перевела взгляд с Картера на стену, за которой предположительно находилась злополучная шахта.

– «Нестабильность»? Как интересно. – Её тонкая улыбка не сулила ничего хорошего. – Капитан, похоже, у вас тут не только со статусом, но и с геологией проблемы.

Она сделала шаг вперёд, и её отряд инстинктивно синхронизировался с этим движением.

– Мой экипаж приступит к инспекции всех систем «Первозданного». А вы, капитан, предоставите мне все данные по этой... «нестабильности». Земной Альянс должен быть уверен, что его инвестиции в безопасности.

Лёгким кивком она отправила двух своих техников в сторону центрального узла управления. Они двигались с отлаженной эффективностью, игнорируя протестующие взгляды колонистов.

Один из техников Вос, молодой парень с абсолютно чистым лицом, остановился у импровизированного столика, где Майя, их учёный-биолог, разбирала образцы реголита под переносной лампой. На краю стола стояла её кружка – треснувшая керамика, тщательно заклеенная термостойкой лентой. Внутри плескался мутный чай из местного лишайника.

Техник посмотрел на кружку, потом на Майю. Его лицо не выразило ни презрения, ни злорадства. Только лёгкую, профессиональную брезгливость, как при виде невымытой лабораторной посуды.

– Это не соответствует санитарным стандартам снабжения Альянса, – констатировал он ровным, немым для обсуждения тоном. Затем достал из кармана своего комбинезона маленькую, герметичную капсулу, щёлкнул ею, и из неё выдвинулась складная, идеально белая чашка из биоразлагаемого пластика. Он поставил её рядом с её потрёпанной кружкой.

– Рекомендую утилизировать старую тару. Риск биологического заражения, – он кивнул и пошёл дальше, к следующему терминалу, не дожидаясь ответа.

Майя не сказала ни слова. Она просто смотрела на эти две кружки, стоящие рядом: её жизнь, её история, её борьба за

каждый грамм влаги – и этот стерильный, одноразовый артефакт из другого мира. Её пальцы сжали края стола так, что кости побелели. В этом жесте было больше ярости, чем во всех предыдущих протестах. Это была не атака на станцию. Это было стирание её личной истории.

– Эй, это наш пост! – попытался было возразить молодой инженер Андрес, перегораживая им путь.

– «Ваш» пост, – парировала Вос, не глядя на него, – находится на территории, принадлежащей и финансируемой Земным Альянсом. Мы здесь для аудита. Капитан, прошу предоставить доступ.

Картер замер, ощущая подошвами не просто вибрацию, а пульс – медленный, вязкий, как сердцебиение спящего гиганта. В голове, словно на лобовом стекле истребителя, пронеслись варианты.

Уступить сейчас – значит отдать станцию под контроль Альянса за сутки. Взбунтоваться – стать мятежником и дожидаться, пока Земля просто отключит питание. Но если Марс решит проснуться... никакие протоколы Вос не спасут этих холёных энтомологов.

Этот гул из недр не был предвестником катастрофы. Он был шансом. Единственным козырем, который Картер мог бросить в лицо безупречной машине Земли.

– Лиам, – сказал Картер в комлинк, стараясь звучать нейтрально, – предоставь гостям доступ к телеметрии по шахте № 4. Только к телеметрии.

Ева наблюдала, как техники Вос уверенно занимают посты её колонистов. Она видела, как у Андреса дрожат руки от бессильной ярости, как другие отводят взгляд. Это был обмен – информация на видимость сотрудничества. Но её беспокоило другое. Она снова взглянула на планшет. Биоритмы членов экипажа Вос были... идеальными. Слишком идеальными. Ни малейшего следа стрессовой реакции на перелёт, смену гравитации, новую среду. Как будто они были не людьми, а роботами.

Именно в этот момент огни в отсеке померкли, и по куполу прокатился низкочастотный гул, исходивший не от систем станции, а снизу, из самых недр. Пол под ногами содрогнулся.

На секунду ледяная маска майора Вос дрогнула, обнажив искренний шок. Но Картер заметил кое-что поважнее: у техника за её спиной из носа потекла тонкая, пугающе алая струйка крови. Рука Вос непроизвольно дёрнулась к собственному запястью, к месту, где под тканью скрывался плоский, медицинского вида браслет. Её пальцы сжались на секунду – не для помощи подчинённому, а будто проверяя собственные показатели. Парень тут же стёр её безупречным

рукавом, но момент был упущен.

Они не были богами. Марсианская почва – или то древнее, что в ней пробудилось, – уже начала пробовать их на вкус. Их стерильность дала первую трещину. Альянс прислал идеальных солдат, но Марсу было плевать на их рекрутинговые буклеты.

– Что это? – её голос впервые потерял сталь и уверенность.

– Это и есть «нестабильность», майор, – тут же отозвался Лиам по комлинку, и в его голосе слышалось мрачное удовлетворение. – Сейсмическая активность нулевого порядка. Прямо под нами. Ваша стыковка, похоже, пришлась ей не по вкусу. Показатели аномалии – 70 %.

Воспользовавшись моментом растерянности «гостей», Картер шагнул вперёд. Его голос прозвучал громко и властно, заполняя пространство:

– Инспекция, конечно, важна, майор. Но вначале я должен убедиться, что ваше прибытие не обрушит наш купол нам на головы. Мои люди знают станцию. Ваши – нет. Ева, проверь, не пострадал ли кто. Лиам, полное сканирование недр – я хочу знать, что там происходит. Все остальные – по штатным постам! Обеспечьте приоритет системам жизнеобеспечения!

Последнюю фразу он произнёс с таким весом и авторите-

том, что даже техники Вос замедлили шаг. Это было не просто распоряжение. Это было ясное напоминание о том, кто здесь, в этом аду, остался капитаном, кто знал цену выживанию.

Колонисты, мгновение назад подавленные, встрепенулись. Приказ вернул им ощущение цели и контроля. Они бросились к своим терминалам, оттесняя растерянных земных техников.

Майор Вос промолчала. Её взгляд метнулся от Картера к своим людям, а затем – в пол, словно она впервые осознала, что стоит не на надёжной земной базе, а на тонкой коже, под которой бурлит нечто непонятное и враждебное. Её авторитет дал трещину, столкнувшись с суровой реальностью Марса.

Картер поймал взгляд Евы. Она едва заметно кивнула: всё в порядке, раненых нет. Затем он мысленно поблагодарил Лиама. Где-то в глубине аномалия, будто удовлетворённая возникшим хаосом и восстановленным порядком, снова затихла, оставив в воздухе звенящее, невысказанное предупреждение.

Битва за «Первозданный» только что началась. И первая победа осталась за ним. Но Картер понимал – это лишь передышка. Майор Вос не отступит. А Марс только что дал

понять, что он отнюдь не нейтральная сторона в этом конфликте.

В наступившей тишине, нарушаемой лишь назойливым писком земных датчиков, тщетно пытавшихся осмыслить марсианскую аномалию, Картер ощутил в груди не просто решимость. Он почувствовал странное, почти дикое родство с красной планетой под ногами.

Марс был не союзником. Он был третьей силой, дикой картой в игре между колонистами и Земным Альянсом. И Картер только что научился этой картой играть.

Они не сдадутся. Не сейчас.

Они примут правила новой, смертельно опасной игры.

Планета, казалось, сделала им первую скидку.

Глава 7. Красная линия

Тишина, наступившая после толчка, была гуще и напряженной прежней. Майор Вос оправилась первой. Её лицо вновь затвердело в непроницаемую маску, но во взгляде плескалась ледяная решимость. Картер перестал быть для неё начальником базы. Теперь он – досадное препятствие.

– Ваша... оперативная реакция впечатляет, капитан, – произнесла она, будто выверяя каждое слово на весах аптекаря. – Однако это не отменяет необходимости инспекции. Неконтролируемая сейсмическая активность – именно та причина, по которой Земной Альянс должен взять управление станцией под особый контроль. лейтенант Морс, – она повернулась к одному из техников. Тот откликнулся не шагом, а идеально синхронным поворотом головы, будто его шея была на шарнирах. – Сопровождайте доктора...

Вос бросила взгляд на бейдж Евы.

– ...Эвелин Реджинальд. Проведите полный медицинский осмотр экипажа. Особое внимание уделите неврологическому статусу и психологической устойчивости.

Это был ход, исполненный дьявольской изобретательности. Под личиной заботы о здоровье майор получала прямой доступ к ахиллесовой пяте колонистов – их ментальному со-

стоянию. Любой намёк на панику Альянс подаст как доказательство профнепригодности. Но настоящая бомба была заложена глубже – в самом кровотоке колонистов.

За последние месяцы в анализах каждого выжившего появились микроскопические кристаллические включения – те же структуры, что Лиам находил в образцах реголита из шахты № 4. В лазарете это явление полушутя прозвали «марсианской пылью». Безвредный шум в биохимии. Пока что.

Но что скажут земные протоколы о людях, в чьих венах течёт частица чужого мира? Станут ли они для Альянса колонистами, которых нужно спасать, или биологическими артефактами, подлежащими карантину?

Ева застыла, ощутив, как под рёбрами сворачивается ледяной ком. Она вцепилась в планшет – костяшки побелели, а старый пластик корпуса жалобно хрустнул. Её взгляд, полный немой мольбы, метнулся к Картеру.

Она знала: раскрой они сейчас полные логи, и правда вырвется наружу, сметая их хрупкую автономию. Но цифры пугали её меньше всего. Ева боялась собственных рук – того, что они предательски задрожат, когда придётся прикладывать датчик к чужой, фарфоровой коже землян. Боялась, что её собственный пульс, выбивающий чечётку на сонной артерии, будет считан их совершенным оборудованием как симптом коллективной истерии. Или как признак того, что она

уже не совсем человек.

В геолоборатории Лиам наблюдал за этим виртуальным фехтованием сквозь призму камер наблюдения. Его собственная, не менее напряжённая война разворачивалась на мерцающих экранах. Землянам был предоставлен доступ к данным телеметрии, как и приказал Картер. Но эта «телеметрия» являла собой лишь безобидный калейдоскоп графиков давления и температуры. Всё, что касалось аномальных энергопаттернов, было надёжно укрыто за стеной зашифрованных буферных файлов.

На личный комлинк пришло беззвучное сообщение от Картера: «Что за толчок? Насколько всё серьёзно?»

Лиам быстро ответил: «Не сейсмика. Больше похоже на... эмиссию. Энергетический выброс из эпицентра аномалии. Сейчас успокоилось. Но она активна, словно рана, к которой прикоснулись».

Пока он печатал, один из техников Вос, оставшийся в командном центре, попытался получить доступ к архивам геологических исследований. Лиам заблокировал запрос, отправив уведомление: «Доступ к архивным данным требует авторизации главного инженера станции в связи с риском повреждения файлов». Он купил им немного времени.

Картер видел панику в глазах Евы. Он не мог открыто запретить медосмотр. Но он мог изменить его условия.

– Разумная предосторожность, майор, – кивнул он, к удивлению Вос. – Доктор Реджинальд проведёт осмотр. А ваш специалист будет наблюдать и ассистировать. Протоколы станции требуют, чтобы все медицинские манипуляции проводил наш главный врач. Для... минимизации риска заражения. Вы же понимаете, наша микрофлора могла мутировать.

Он применил их же оружие – бюрократию и мнимую заботу о безопасности. Теперь землянин будет не контролировать, а наблюдать со стороны.

– И пока доктора занимаются делом, – продолжил Картер, стремительно перехватывая инициативу, – нам стоит обсудить вопрос куда более серьёзный. Ваш «Ковчег». Его системы жизнеобеспечения и двигатели подлежат переводу в автономный режим и отключению. Мы не можем позволить себе ещё один «энергетический выброс», как вы его называли. Лиам, подготовьте техническую команду для внешнего осмотра корпуса «Ковчега-7». Необходимо убедиться, что стыковка не повредила обшивку.

Это была искусно расставленная ловушка. Под предлогом осмотра он отсылал проверенных людей подальше от цепких глаз Вос, прикрываясь заботой об их же корабле. И одновременно лишал «Ковчег» мобильности.

Майор Вос поняла это мгновенно. Её челюсть напряглась.

– Капитан, это неприемлемо. Системы «Ковчега» ...

– ...являются самым большим источником риска для станции на данный момент, – закончил за неё Картер.

– Без обсуждения. Лиам, дублируй приказ.

– Уже формирую группу, капитан, – немедленно отозвался Лиам.

Воздух в отсеке наэлектризовался, пропитавшись запахом озона от перегруженных щитов и едким привкусом лжи. Между ними установилось шаткое, зыбкое перемирие. Вос не могла остановить Картера силой, не рискуя открытым конфликтом, на который у неё явно не было полномочий – об этом красноречиво говорили её пальцы, до белизны сжавшие планшет.

Картер же, используя свой авторитет как щит, а знание станции – как клинок, методично теснил незваных гостей. В этой гулкой тишине он осознал главное: они сражаются не за контроль над модулями «Первозданного». Они сражаются за само право считаться людьми в глазах машины, которая прилетела их заменить.

Где-то глубоко внизу, в самом сердце марсианской тверди, аномалия затаилась. Но её безмолвие было обманчивым.

На экране в лаборатории Лиама одна из кривых – та, что отвечала за фоновый резонанс, – синхронно повторила ритм

спора наверху: резкий всплеск на реплике Вос, спад на ответе Картера.

Она не просто слушала.

Она училась.

Чужая сущность училась языку конфликта, страха и власти. И в этом тихом, безжалостном учении было нечто куда более чудовищное, чем любой крик о помощи.

Глава 8. Прах Лондона

Ветер терзал остовы небоскрёбов, выводя погребальную симфонию почившей цивилизации.

Алекс, словно последний часовой, стоял на израненной крыше своего убежища, вперив взгляд туда, где когда-то возвышался Кэнэри-Уорф, туда, где должен был приземлиться «Ковчег-7».

«Красный рассвет». Для них – новое утро. Для Алекса – приговор.

Он мысленно прикидывал: радиусы патрулирования дронов, типы сенсоров, слепые зоны. Его старый инженерный мозг, запрограммированный на решение задач, теперь работал лишь на одну цель – выживание. Цифры складывались в безрадостную сумму: шанс прорваться сквозь этот рой был чуть выше нуля.

Но шанс остаться и быть найденным – был равен абсолютному нулю.

Разница, достаточная, чтобы решиться.

Он спустился в подвал, в затхлую утробу своего бункера. Лила спала, укрывшись выцветшим термоодеялом, и в тусклом свете коптилки её лицо казалось неземным, хрупким, словно вылепленным из лунного света. Алекс развернул по-

желтевшие чертежи. Не план штурма – это было бы самоубийством. Его задумка была тоньше, хитрее. Он знал, как работают их системы фильтрации воздуха и воды, ведь они были основаны на его собственных довоенных разработках. Его «Зелёная жила». Горькая ирония судьбы: его технологиями очищали воздух для тех, кто спасся, в то время как тех, кто остался умирать, предали забвению.

Пальцы предательски дрожали, касаясь знакомых схем. Вот здесь, в узле рециркуляции, он когда-то поставил свою подпись, задыхаясь от гордости за прорыв. Теперь этот узел, масштабированный до размеров межзвёздного судна, обеспечивал жизнь новым хозяевам мира.

Алекс почти физически чувствовал, как по этим трубам течёт безупречно чистая вода, как фильтры задерживают ядовитую пыль – ту самую, которой он сейчас давился. Его творение отвергло своего создателя. Это не было просто предательством начальства. Это было предательство самой материи, законов физики, которые он наивно считал нейтральными.

Наука оказалась шлюхой: она всегда служит тому, у кого больше власти.

Его мысли прервал скрип двери. На пороге стоял Бен, бывший сапёр, с лицом, испещрённым шрамами и усталостью.

– Слышал шёпот, Алекс, – его голос был хриплым от пыли. – Альянс не просто охраняет корабль. Они что-то ищут. Проводят зачистки. Идут от дома к дому. Дойдут и до нас.

– Что ищут?

– Мозги, – Бен мрачно усмехнулся и выудил из-под обшарпанной куртки смятый листок – копию, добытую ценой чьей-то жизни. – Им нужны учёные. Технари. Особенно те, кто возился с биосистемами до Большой Вспышки. Глянь сюда.

Алекс взял листок. Среди десятков фамилий он мгновенно выхватил свою: «Фэрхоуп, Алекс. Инженер-эколог. Проект "Зелёная жила". Приоритет: А-1».

Рядом стоял холодный штамп: «Биологический носитель или нейроимпринт».

Его разум официально значился в списке трофеев. «Нейроимпринт» – это означало, что Альянсу не нужна его лояльность. В случае сопротивления его просто пустят в расход, а сканеры выжмут из умирающего мозга рабочие алгоритмы. Стать добровольцем? Значило превратиться в инструмент. Отказаться? Значило стать мёртвым кодом.

Бен долго всматривался в строчку на мятом листке, а затем медленно перевёл взгляд на Алекса. В полумраке подвала его глаза казались двумя глубокими провалами.

– Фэрхоуп... – негромко произнёс Бен, и в его голосе

Алекс услышал не столько удивление, сколько опасную надежду. – Тот самый, что спроектировал купола «Первозданного»? Инженер, который обещал, что мы снова будем дышать без масок?

Алекс почувствовал, как сердце пропустило удар. Листок в его руках стал невыносимо тяжелым, словно весил тонну. Секунда тишины растянулась в вечность. Он посмотрел на спящую в углу Лилу – её жизнь сейчас зависела от того, насколько глубоко он сможет закопать правду.

– Нет, – голос Алекса прозвучал сухо, как треск ломающейся кости. – Однофамилец. Тот Фэрхоуп, скорее всего, уже давно гниёт в одном из «импринт-центров» или сгорел при Падении.

Бен прищурился. Между ними, как наэлектризованный провод, натянулось недоверие.

– Однофамилец? – Бен хмыкнул, не сводя с него глаз. – Ты чертовски хорошо разбираешься в биосхемах для простого «однофамильца», парень.

– Я был техником в его отделе. Таскал кабели, чистил фильтры, – Алекс аккуратно сложил листок и вернул его Бену. – Научился кое-чему, глядя через плечо настоящих гениев. Но я не тот, кого они ищут. Мой мозг им не пригодится – там только схемы канализации и рецепты синтетического супа.

Алекс ощутил на языке горький вкус этой лжи. Бен был единственным, кто помогал им последние месяцы, но в мире, где за твой разум дают билет на орбиту, дружба стоила дешевле, чем пачка патронов.

Бен медленно убрал список обратно под куртку.

– Ну, раз так... – он на мгновение замялся, и Алексу показалось, что тот хочет сказать, что-то ещё. – Значит, тебе повезло. Быть ценным ресурсом сейчас – это самый короткий путь в мясорубку.

Бен поднялся, скрипнув суставами.

– Ложитесь спать. Утром я выведу вас к коллектору. И, Алекс...

– Да? – отозвался тот, уже укрывая Лилу старым плащом.

– Постарайся больше не упоминать при чужих про «Зелёную жилу». Даже если ты просто «чистил там фильтры».

Бен ушёл в тень, а Алекс ещё долго сидел, глядя на свои руки. Он солгал. Но эта ложь была его первым настоящим шагом к «Периферии». Там, на Марсе, он больше не будет Фэрхоупом. Он станет тенью. Номером. Функцией. Кем угодно, лишь бы не «биологическим носителем» для тех, кто убил его мир.

– Значит, нам нужно быть быстрее, – тихо сказал Алекс, глядя на спящую дочь. – Мы уходим завтра на рассвете. Через старые дренажные тоннели. Туда, где дроны не летают.

Лиле снился сон. Не о будущем, а о прошлом, которого она никогда не знала. Ей снилась не абстрактная «травя», а конкретный образ из папиной старой книги: поляна, залитая солнцем, с одуванчиками, похожими на маленькие солнца. Во сне она не просто бежала – она знала названия цветов (ромашка, клевер), и это знание было таким же реальным, как сейчас знание о том, как отличить звук дрона от звука обвала. Она проснулась не с тоской, а со странной, твёрдой уверенностью: раз это существует в её голове, значит, это возможно. Значит, нужно бежать к этому, даже если это всего лишь сон.

Она проснулась от приглушённых голосов. Папа и дядя Бен говорили о чём-то серьёзном. Она притворилась спящей, слушая.

Когда Бен ушёл, она приоткрыла глаза.

– Папа? Мы уходим?

Алекс вздрогнул, затем подошёл и сел рядом, положив руку на её голову.

– Да, солнышко. Уходим. Найдём новое место.

– Там будет хорошее место, папа?

– Мы постараемся, – он слабо улыбнулся, но в глазах застыла тревога, которую уже нельзя было скрыть.

Лила знала: отцовское «постараемся» на языке руин означает «будет смертельно тяжело». Но она верила, что его пла-

ны всегда оказывались хитрее самой смерти.

Пока дочь прятала в рюкзак свои немногочисленные сокровища, Алекс набивал коробку противогаса самодельными фильтрами и проверял каждый шов на их потрёпанных костюмах. В карман легла испещрённая пометками схема тоннелей, а рядом – газовый резак. Инструменты создателя окончательно сменились инструментами диверсанта.

Он взглянул на девочку. Она коротко кивнула, поправляя лямки. В её взгляде не было страха – лишь сосредоточенная серьёзность хищника, выходящего на след. В этот момент Алекс понял самое страшное: его маленькая дочь исчезла в тот день, когда перестал идти дождь. Её место занял этот хрупкий, негибаемый солдат апокалипсиса.

Он потушил коптилку. В полной, давящей темноте его голос прозвучал как обет:

– За мной. Тише тени.

Наше утро начинается сейчас.

Глава 9. В кишках города

Воздух в тоннеле спёрся, став густым и липким, словно дыхание больного в горячечном бреду. Он источал запах ржавчины, стоялой воды и ту самую приторную сладость, о происхождении которой Алекс предпочитал не думать. Воображение услужливо подкидывало образы тех, кто не дошёл.

Луч фонаря выхватывал из тьмы оскаленные своды завалов и причудливые наросты на стенах – не плесень, а сочащиеся язвы на каменной коже города. Алекс подавил тошноту. Это не была дорога к спасению. Это было вскрытие.

Он шёл первым, прощупывая путь. Каждый скрип металла, каждый шорох, доносящийся из чёрной пасти бокового ответвления, заставлял его сердце замирать. В руке он сжимал самодельную дубинку с намотанной изолентой рукоятью. Каждый звук Алекс мысленно переводил на язык угроз: «скрип» – ловушка, «шорох» – крысы или хуже, «капель» – обвал.

Но самым страшным звуком был не шум снаружи, а тихий, контролируемый выдох Лилы за спиной. Она не плакала, не просилась обратно. И это было чудовищно ненормально.

Её детство проходило здесь, в этих бетонных кишках, и он боялся, что однажды она перестанет отличать этот кошмар

от единственной нормы.

– Держись ближе, солнышко, – его голос прозвучал приглушённо, поглощённый сыростью.

– Я тут, папа, – отозвалась она шёпотом, цепляясь за его пояс как за спасательный круг.

Они двигались уже несколько часов. По карте, составленной по старым архивным чертежам, они должны были выйти к заброшенной станции метро «Моргейт», откуда можно было незаметно проникнуть в менее патрулируемый район. Но карта была бумажной, а реальность – живой и враждебной.

Очередной поворот – и луч фонаря упёрся в стену из обломков, перекрывающую тоннель полностью.

Алекс замер, ощущая, как по спине потек липкий, ледяной пот. Тупик. Предательская карта солгала.

– Папа? – в голосе Лилы прозвучало испуганное эхо.

– Ничего, – попытался он успокоить её, заставив голос звучать ровно. – Просто придётся поискать обходной путь. Дай ка я посмотрю...

Он поднял планшет, пытаясь сориентироваться, но сигнал GPS здесь, под землёй, был мёртв.

Внезапно Лила дёрнула его за куртку.

– Папа, смотри, – она указала пальчиком чуть в сторону от завала, где в стене зияла дыра, скрытая свисающими корнями какой то подземной плесени. – Там идёт воздух.

Алекс насторожился. Она была права. Из дыры тянул слабый, но ощутимый поток менее затхлого воздуха. Этого не

было на карте. Это был либо чей то тайный лаз, либо зловещий результат недавнего обвала. Оба варианта были опасны.

Лила боялась темноты. Но ещё больше она боялась остаться одна в этом проклятом месте, поэтому её страх перед темнотой был тихим, послушным. Она старалась быть маленьким живым радаром, как учил её папа.

Её глаза, как у ночного зверька, привыкли к густому полумраку, а чуткие уши улавливали то, чего не слышал он сам: тихий, монотонный перезвон капли, едва различимый шорох чего то крохотного в трубе, глухой скрип, доносящийся откуда то сверху. Она чувствовала, как напряжён отец, и старалась дышать как можно тише, чтобы не мешать ему слушать.

Когда она заметила эту дыру, она не просто почувствовала свежий воздух. Она увидела еле заметный след на влажном полу. Не след сапога, как у папы или дяди Бена, а отпечаток чего то более лёгкого, остроносого. Кто то был здесь. Совсем недавно. И этот, кто то знал этот путь.

– Там кто то прошёл, – прошептала она, показывая на еле заметный отпечаток на влажном полу.

След был странным: не подошва, а нечто острое, разделённое, будто от самодельной обуви из перекрученных ремней или... копыта. И он был свежим – влага ещё не успела заполнить углубление.

Алекс мгновенно перевёл взгляд со следа на дочь. В голове зажглись красные лампочки тревоги: «Неизвестный. Во-

оружён? Знает тоннели лучше нас. Ведут следы к выходу или в ловушку?» За спиной был тупик, впереди – риск.

– Молодец, – коротко сказал он, уже анализируя ширину проёма (пролезет ли он с рюкзаком) и угол наклона (нет ли засады сверху). – А теперь слушай меня очень внимательно. Мы пойдём туда. Но если я скажу «вниз», ты падаешь на пол и не двигаешься. Поняла?

– Поняла, – кивнула Лиля, сжимая кулачки. Она была готова. Она была их секретным оружием.

Алекс одним движением погасил фонарь. В кармане он заранее нащупал химпалочку – последнюю. Её свет был тусклым и ядовито зелёным, как взгляд призрака. Он протянул её Лиле.

На мгновение их руки соприкоснулись, и Алекс заглянул ей в лицо. В огромных зрачках дочери вспыхнули два изумрудных огонька. В этом отражённом свете не было ни тени страха – только холодный блеск линз хищника, привыкшего видеть в темноте. Она не просто приняла свет. Она впитала его, становясь частью этой вязкой мглы.

Полная, всепоглощающая темнота обрушилась на них, и лишь жалкий огонёк в руках Лилы выхватывал их ноги и зловещий след на полу.

План «А» остался под завалами. Теперь работал план «Б». Они больше не бежали. Они охотились – и одновременно были добычей. В прогнившем чреве мёртвого города разница между этими ролями стиралась с каждым шагом.

След привёл их не к выходу, а в небольшую, заваленную обломками камеру техобслуживания. И там, в самом тёмном углу, за ржавой банкеткой, притаилась дыра в полу – чёрный квадрат, откуда тянуло запахом дыма и человеческого пота.

Алекс замер. Ловушка? Убежище? Он прислушался. Снизу доносился приглушённый шёпот. Не один голос. Несколько.

В этот момент из чёрного квадрата метнулся луч фонаря, ослепив его. Алекс инстинктивно заслонил Лилу, поднимая дубинку.

– Не двигаться! – прозвучал мужской голос, низкий и напряжённый. Из люка, как тень, поднялась фигура. Высокий, худой мужчина в потрёпанной одежде. В его руке, твёрдой и уверенной, блеснуло лезвие самодельного ножа. Его взгляд, холодный и оценивающий, скользнул по Алексу, задержался на рюкзаке, на дубинке, на Лиле, прижавшейся к отцу. – Кто вы? Откуда?

– Мы ищем проход к «Моргейту», – хрипло сказал Алекс, не опуская оружия. – Нас преследуют.

Из люка выглянуло ещё одно лицо – женское, измождённое, с острыми скулами и умными, усталыми глазами, ко-

торые мгновенно всё зафиксировали: испуг Лилы, боевую стойку Алекса, отсутствие на них знаков «Территориалов».

– Лео, опусти нож, – тихо приказала женщина. Она вылезла наружу. – «Моргейт» захвачен Альянсом. Вы идёте прямо в их пасть. – Она внимательно посмотрела на Лилу. – Девочка, ты ранена?

Лила молча покачала головой, не отрываясь от лица женщины. Она видела в её взгляде не тупую жадность мародёров, а усталую тяжесть, знакомую ей по взгляду отца.

– Сара, они могут быть из территориалов, – проворчал Лео, но лезвие его ножа опустилось на пару сантиметров.

– Территориалы с детьми по тоннелям не ползают, – парировала Сара. Её решение было принято. – У нас есть вода. И немного еды. Спускайтесь. Быстро, пока ваши следы не привели сюда кого-нибудь похуже.

Алекс колебался секунду, чувствуя взгляд Лео на своей спине. Но Лила уже сделала маленький шаг вперёд, к женщине. Это был её вердикт: «Можно доверять». Он кивнул.

Спуск вниз был коротким. Их встретил запах дыма, человеческих тел и слабый свет горелки. В углу сидел мальчик

лет десяти, Мика, и с безразличным любопытством разглядывал новых людей. Это был их лагерь. Не дом. Последняя нора перед неизвестностью.

Глава 10. Линия разлома

Тишина в куполе «Первозданного» была обманчивой, как затишье перед марсианской пылевой бурей.

Прошло шесть часов с момента «инцидента с вибрацией», но напряжение в «Первозданном» не спало. Оно лишь кристаллизовалось, став осязаемым, как ледяной иней на переборках купола.

Колонисты разговаривали шёпотом даже в своих ячейках, словно стены внезапно научились служить чужим ушам. Привычный скрип вентиляции теперь слышался как чьи то шаги за спиной. Но страшнее всего была тишина. Люди начали избегать встречных взглядов. В каждом зрачке теперь чудился либо осуждающий холод Земли, либо тот самый мягкий, багровый отсвет марсианской пылицы. Смотреть в глаза другому значило видеть собственное безумие, умноженное на тридцать семь.

Даже звук чашки, небрежно поставленной на стол, отзывался в людях нервным вздохом. «Тише», – твердил каждый вздрогнувший взгляд. «Они услышат». И никто не знал, кто именно скрывается за этим «они»: пришельцы с «Ковчега» или сама планета, затаившая дыхание под их ногами.

Майор Вос и её люди отступили, но не сдались. Отступив в тень, словно хищники, затаившиеся в саванне, они сохраняли бдительность. Их незримое присутствие ощуща-

лось везде: в гипервнимательном взгляде техника, сверлящего взглядом спину Андерса; в обрывистых, нарочито громких фразах, скользивших по зашифрованным каналам связи; в том, как лейтенант Морс, словно тень, приклеился к Еве, «помогая» ей в медицинских архивах и получив карт-бланш на личные данные экипажа.

Картер застыл перед главным экраном, кожей чувствуя тяжесть взглядов за спиной. Лиам наконец рискнул вывести данные на большой дисплей. График энерговыбросов из шахты № 4 пульсировал вязко, словно живое сердце, и этот ритм пугающе совпадал с гулом основных систем станции.

– Смотри на интервалы, – Лиам вывел спектрограмму.

Импульсы не были хаотичными. Они группировались в пакеты по три: короткий, длинный, короткий. Как морзянка, но с иными, нечеловеческими промежутками.

– Это не случайность, это структура, – голос Лиама дрогнул. – Марс не просто «учится» на нашем шуме. Он откликается. Словно огромный слепой хищник тычется мордой в купол, проверяя: «Кто это? Кто здесь мешает мне спать?»

– Или проводит разведку боем, – мрачно заключил Картер.

Он повернулся к Еве, которая молча наблюдала за ними, сжимая в руках планшет с результатами выборочных медосмотров.

– Что с нашими людьми? Что показал их «аудит»?

Ева покачала головой, её лицо было бледным.

– Они ничего критичного не нашли. Вернее, нашли то, что мы и так знали – универсальный «синдром длительного пребывания в изоляции»: повышенный кортизол, лёгкая аритмия, признаки иммунного истощения.

Она сделала шаг ближе и понизила голос до шёпота.

– Но они слепы, Картер. Они не видят главного. Они не видят, как эти «симптомы» синхронизируются с циклами активности аномалии. Наши тела... они меняются. Подстраиваются под это место. А их – нет. И я не знаю, что опаснее: эта аномалия или наша растущая отчуждённость от тех, кто должен быть нам родней.

В отведённом ей кабинете, который раньше был лабораторией ксенобиологии, майор Ирина Вос составляла донесение. Её пальцы бесшумно летали над клавиатурой планшета.

«...первичный контакт подтверждает нестабильность как технологической, так и психологической обстановки.

Капитан Картер демонстрирует признаки синдрома узурпации власти, характерного для длительной изоляции. Его команда лояльна ему, а не Земному Альянсу. Геологическая аномалия, упомянутая в предыдущих отчётах, представляет потенциальную угрозу и используется местным командованием как оправдание для непрозрачности и отказа в доступе...»

Она отправила сообщение, используя ретранслятор «Ковчега». Ответ пришёл почти мгновенно, зашифрованный и лаконичный:

«Приоритет: обеспечение контроля над станцией. Аномалия представляет научный интерес, но вторична. Миссия „Красный Рассвет“ не может быть скомпрометирована. Используйте любые средства для нейтрализации неподконтрольных элементов. Полномочия подтверждены.»

«Любые средства». Вос холодно улыбнулась. В её планшете мерцал файл под грифом «КВ» – «Критические вмешательства».

Там, среди протоколов подавления мятежей, скрывался пункт 7.4: «Индукция искусственной паники через каскадное отключение систем жизнеобеспечения в изолированном секторе». Создать катастрофу, а затем явиться в ореоле спасителей – старейший приём в учебниках по управлению массами.

Картер был занозой. Но занозу необязательно выдёргивать с корнем. Ею можно занести смертельную инфекцию, чтобы погубить весь организм и объявить карантин. Вос не просто хотела забрать станцию. Она собиралась сделать это так, чтобы выжившие сами умоляли её надеть на них наручники.

Её пальцы замерли над планшетом. План был точен, как скальпель, но требовал прелюдии – ослабления духа. И она знала, с чего начать. Не с кислорода. С памяти.

Через десять минут в жилом секторе «Первозданного» пропал сигнал на внутреннем сервере. Ненадолго, на пять минут. Когда связь восстановилась, колонисты обнаружили,

что доступ к личным архивам – к тем самым оцифрованным фотографиям, письмам, голосовым записям с Земли – теперь требовал двойной авторизации, включающей код от представителя Альянса.

На экранах вместо семейных снимков появилось стандартное системное сообщение: «Доступ к несущественным мультимедийным файлам временно ограничен в целях оптимизации пропускной способности сетей станции. Обратитесь к персоналу Альянса для получения временного разрешения в особых случаях.»

Особые случаи. Разрешение.

В углу фермерского модуля доктор Келлер, пытаясь вызвать на экране фотографию своей давно погибшей жены, увидел лишь этот текст. Он несколько раз тыкнул в экран дрожащим пальцем, потом замер. Его лицо, обычно выражающее лишь научную отстранённость, исказила гримаса такой первобытной, немой ярости, что стоявшая рядом Майя невольно отшатнулась. Он не закричал. Он просто выключил терминал и уставился в пустоту, и в этой тишине было больше угрозы, чем в любом крике.

Это была не техническая неполадка. Это была хирургическая операция. Первый, чистый разрез, отделяющий их от прошлого, от того, что делало их людьми. Вос даже не по-

явилась лично. Она просто нажала кнопку, и стены их памяти стали тюремными решётками.

Внезапно на одном из второстепенных мониторов Лиама замигал тревожный, беззвучный сигнал. Не сейсмический. Это была сигнализация с внешних камер, направленных на посадочную площадку «Ковчега 7».

Он увеличил изображение, и его сердце упало.

Двое техников Вос в скафандрах, в обход всех согласований, проводили какой то свой, несанкционированный осмотр. И один из них, пока его напарник стоял на страже, припаял к корпусу корабля, у самого основания шлюза, небольшой приборчик, тщательно маскируя его под элементы конструкции.

– Картер, – голос Лиама стал резким, металлическим.

Он вывел изображение на главный экран, убедившись, что земные техники в командном центре его видят.

– Смотри. Миниатюрный ретранслятор. Дальнего радиуса действия, с автономным питанием. Они устанавливают «жучок» на свой же корабль.

В командном центре воцарилась гробовая тишина. Все взгляды прикипели сначала к экрану, а затем – к Картеру.

Земные техники, Морс и его напарник, застыли. Их позы, всегда пугающе безупречные, на долю секунды дали сбой.

Морс непроизвольно потянулся к комлинку на поясе, но тут же одёрнул руку. Это мимолётное движение было красноречивее любого признания. Они знали. Они не просто сле-

довали протоколу – они понимали его подлинную, грязную суть.

В это мгновение надзиратели превратились в пойманных с поличным курьеров. Идеально выглаженные комбинезоны Альянса больше не выглядели символом прогресса – теперь они казались саванами для последних остатков их совести.

Картер почувствовал, как по спине бежит ледяная мурашка. Зачем ставить прослушку на собственный корабль? Ответ был очевиден и пугал хуже марсианской чумы.

– Если только... это не для них, – тихо, но чётко произнёс он, глядя прямо на одного из техников Вос. – Они ждут кого то ещё. И хотят знать, что здесь происходит, когда этот «кто то» прибудет. Чтобы доложить первыми. Или чтобы нас не предупредили.

Взгляд Картера встретился со взглядами Евы и Лиама. В их глазах читалось одно и то же: игра не просто сменила фазу. Игроков стало больше. Теперь их было трое: колонисты, Альянс... и тихая, внимательная пустота за стенами, которая только что зафиксировала новый сигнал.

«Ковчег 7» был не спасением. Он оказался троянским конём, внутри которого ползли невидимые черви шпионажа. А они, колонисты, – не просто пешками, а разменной монетой в сделке, условия которой им никто не собирался оглашать.

И в этот самый момент, словно поставив жирную точку в его мыслях, график аномалии на экране Лиама рванулся вверх. Не плавно. Резко, почти сердито. Красная линия

взметнулась к потолку графика, синхронно со всплеском на датчиках земного «жучка».

Марс не просто отвечал. Он регистрировал. Новый прибор, новое излучение, новый шум в его владениях. И в этой внезапной, яростной реакции сквозило не любопытство, а холодное, хищное раздражение.

Зверь не просто проснулся. Он начал принюхиваться. И добычей были все – и измождённые колонисты, и их холёные гости с далёкой, умирающей Земли.

Глава 11. Тени прошлого

Подземелье жило по своим законам. Воздух в лагере беглецов был густым от доверия, выстраданного в темноте.

Сара, их теневой лидер, делила последние крохи – жест, в новом миропорядке равноценный акту самопожертвования. Лео, человек с ножом, всё ещё буравил Алекса настороженным взглядом, но уже не рычал при каждом движении, как дикий зверь, охраняющий свою территорию. Мика, мальчик-тень, с нескрываемым любопытством разглядывал Лилу, словно она была артефактом из мира, что стёрся из его памяти, словно сон.

Алекс сидел, прислонившись к прохладной бетонной стене, и медленно чистил единственную картофелину, растягивая процесс, как художник, наносящий последний мазок на обречённую картину. Кожа ложилась на пыльный пол тонкими, почти прозрачными завитками. Лиля пристроилась рядом, рисуя что-то палочкой на пепельном полотне пыли. Этот мирный момент был обманчив и хрупок, как застывшее мгновение перед обвалом.

– Ты не похож на мародёра, – тихо сказала Сара, присаживаясь рядом. Её взгляд задержался на его руках – длинных пальцах инженера, которые всё ещё хранили мышечную память о точных инструментах и чертежах, а не о тяжести

арматуры.

– Я и не мародёр, – Алекс провёл ладонью по лицу, чувствуя щетину и въевшуюся в поры копоть.

Усталость была глубокой, костной. – Я строил. До...

Он оборвал фразу. В голове вспыхнул образ Клары. Не тот последний, искажённый помехами связи, а живой: её смех, разливавшийся по их крошечной кухне в Кэмдене, и то, как она смешно хмурила нос, погружаясь в медицинские журналы.

– Мама была врачом, – чётко произнесла Лила. Она не смотрела на них, всё её внимание было поглощено рисунком: три фигурки, держащиеся за руки. Алекс заметил, что её пальцы время от времени непроизвольно

Сара мягко кивнула, не требуя продолжения. Но её молчаливый вопрос висел в тяжёлом воздухе подвала.

Алекс закрыл глаза. Свист пуль, терзавший уши, всё ещё отдавался в висках. Он посмотрел на свою импровизированную дубинку, лежащую рядом. У рукояти виднелось тёмное пятно, въевшееся в металл. Не его кровь. Чужая.

Клара... Её оружием были скальпель и знание. Она искренне верила, что его сила – в созидании.

«Ты строитель, Алекс, – говорила она, обнимая его на пороге их дома в тот последний, безмятежный вечер. – Твой мир – это мосты, а не стены».

А теперь, чтобы защитить их дочь, он возводил стены из насилия и чужих костей скрепляя их ложью и секретами. Он

стал тем, кого она, возможно, не узнала бы. Но в каждом рыке мародёра, в каждом скрежете он слышал её последние слова, захлебнувшиеся в помехах эфира: «Береги её». Этот приказ был единственным мостом, уцелевшим после катастрофы. Он оправдывал всё. Даже кровь под ногтями.

– Она осталась, – выдохнул он в темноту, где за кругом света от горелки шевелились тени.

– В карантинной зоне. До последнего вытаскивала тех, кого уже нельзя было спасти. Велела нам бежать.

Сара ничего не сказала. Она просто положила свою шершавую, исхудавшую руку на его плечо. В этом жесте не было жалости – только тяжёлое, как этот бетон, понимание цены, которую каждый из них заплатил за право дышать этим пыльным воздухом.

– Вам нельзя идти к «Моргейту», – тихо сказала она после паузы. – Там уже их пост. Альянс перекрыл все основные узлы. Но есть другой путь. Старые вентиляционные шахты под музеем. Рискованно, но нас там не ждут.

Алекс посмотрел на Лилу, на её рисунок. Три фигурки. Он, она и призрак, который всегда будет с ними. Он кивнул.

– Покажите путь.

Вентиляционная шахта была уже и страшнее тоннеля. Она напоминала горло какого-то огромного мёртвого существа. Металлические стены были холодными и скользкими от конденсата, а решётки под ногами громко жаловались на

каждый шаг. Лила шла за Сарой, стараясь ставить ноги точно в её следы, как учил папа. Дядя Лео шёл сзади, замыкая их. Его присутствие было одновременно пугающим и успокаивающим – с ним никто не мог подкрасться сзади.

Она украдкой наблюдала за Микой, который двигался с привычной лёгкостью, словно родился в этих трубах. Ей было интересно, помнит ли он что-нибудь из старого мира – мультфильмы, мороженое, солнце, которое греет, а не слепит сквозь пелену пепла. Скорее всего, нет. Его мир всегда был таким – железным, тёмным и полным тихих шагов.

– Осторожно, – прошептала Сара, останавливаясь. – Впереди обвал. Нужно проползти.

Она указала на разрыв в стене, заваленный бетонными плитами. Между ними зияла узкая щель, уходящая в черноту. Лила почувствовала, как по спине пробежал холодок. Она боялась тесных пространств.

Пространство было таким узким, что плечи скребли по шершавому бетону. Воздух стоял спёртый, затхлый. Алекс полз, словно червь, вслушиваясь в каждый шорох впереди, в ровное дыхание Лилы. Каждый мускул был натянут, словно струна, готовая оборваться. Он снова увидел Клару. Что бы она сделала на его месте? Нашла бы другой путь? Убедила бы всех вернуться? Её методы были тоньше, как прикосновение бабочки. Но в этом мире не осталось места для тонкости.

Внезапно впереди дыхание Сары оборвалось. Тишина сгустилась, стала липкой и тягучей. И тогда из темноты, медленно, словно проявляясь на фотобумаге, возникла сначала тень, а потом и фигура.

– Ну что, Лео... – сиплый голос прозвучал как скрежет металла по камню.

Щель перед Алексом осветилась тусклым светом из помещения впереди. Он увидел, как силуэт Лилы выпрямился, выбравшись наружу, и замер. Сердце Алекса ударило в рёбра.

Он рванулся вперёд, отчаянно расталкивая острые края плит, уже не думая о шуме.

Когда он, наконец, выбрался, его взгляд мгновенно выхватил картину. Перед ними стояли трое незнакомцев в потрёпанной, но прочной одежде. Их лица были жёсткими, а в руках они держали заточенные куски металла. Один из них, самый высокий, ухмыльнулся, глядя на вышедшего следом Лео.

– Привёл гостей? Не по-соседски. Не поделился.

Лео стоял, не двигаясь, его нож был наготове. Сара прикрыла собой Мику и Лилу.

– Проход свободен, Грикс, – сказал Лео. – Мы просто идём своим путём.

– Теперь это наш путь, – ухмыльнулся Грикс. – И плата

за проход – всё, что у вас есть. Особенно пайки. И, может быть, эта мелкая, – он кивнул в сторону Лилы. – В хозяйстве сгодится.

В этот момент из узкого лаза, оглушая эхом замкнутого пространства, с диким, яростным рыком вырвался Алекс. Ярость выжгла его изнутри. Он не кричал. Его лицо исказила холодная, безжалостная маска. Он не собирался угрожать или вести переговоры. Увидев направленный на Лилу взгляд и услышав мерзкие слова, он действовал с животной, первобытной скоростью.

Дубинка рассекла воздух со свистом, напоминающим взмах крыла смерти. Удар обрушился на предплечье мародёра, дробя кости с сухим треском сломанной ветки. Тот взвыл. Лео, почуяв момент, бросился на второго, словно цепной пёс на дичь. Сара рывком утянула детей за нагромождение ящичков.

Алекс не останавливался. Его движения стали пугающе эффективными. Дубинка вжалась в плечо врага с глухим, чавкающим звуком, а сам Алекс, не чувствуя отдачи в онемевшей кисти, уже вгонял ребро ладони в кадык следующему.

Он не дрался. Он ликвидировал препятствия. Разум отключился, оставив лишь звенящий в ушах приказ: «Спасай дочь».

Когда всё стихло, он замер, тяжело и хрипло дыша над телами. Кровь на дубинке была липкой и тёплой. Такой же тёплой, как чашка чая в руках Клары в то последнее утро. Эта параллель – абсурдная, кощунственная – заставила желудок сжаться в спазме. Алекс судорожно сглотнул подкатившую к горлу желчь.

Не сейчас. Сходить с ума будешь позже. Если это «позже» вообще наступит.

Грикс, последний из троих, пятился к выходу, прижимая к себе раздробленную руку. Его наглость вытекла вместе с кровью, оставив лишь животный страх. Алекс проводил его пустым взглядом, а затем, словно вспомнив о чём-то обыденном, наклонился к ближайшему телу.

Медленно, с пугающим спокойствием, он обхватил куртку убитого мародёра и коротким, резким движением вытер об неё дубинку. Раз, другой. Когда дерево снова стало сухим, он, не разгибаясь, потянулся к своему поясу и привычным жестом отщелкнул фиксатор фильтра на противогазе. Глухой щелчок металла в тишине прозвучал как выстрел. Алекс проверил резьбу, убедился, что клапан не забит пылью, и лишь после этого выпрямился.

В его движениях больше не было ярости – только холодная, отточенная механика. Проверка снаряжения, очистка инструмента. Смерть в этом списке была лишь досадной по-

мехой, которую он только что устранил.

Лео смотрел на Алекса – и в этом взгляде ужаса было больше, чем благодарности. Он отступил на шаг. В его глазах мелькнул почти суеверный страх – так смотрят на обречённых зверей, которые в безумии начинают рвать собственные путы.

– Чёрт... – сипло выдохнул он.

Сара, встретившись с ним взглядом, едва заметно, но властно качнула головой: «Не сейчас». Она понимала то, чего Лео ещё не осознал: в этом мёртвом мире их защищает не инженер Алекс, а то чудовище, в которое он только что превратился.

Алекс медленно повернулся к Лиле. Она смотрела на него поверх ящиков. В её глазах не было страха. Не было осуждения. Лишь бездонное, древнее понимание. И в этом понимании таилась такая вселенская грусть, что у Алекса перехватило дыхание.

Он опустился перед ней на колени, снял противогаз. Не замечая липкой черноты на ладонях, он прижал её к себе.

– Всё хорошо, солнышко, – прошептал он, давясь кашлем.
– Всё хорошо.

Он лгал. И она это знала. Ничего «хорошего» в этом мире не осталось – только тени прошлого и непомерная цена за

право дышать ещё один день.

В наступившей тишине, нарушаемой лишь тяжёлым дыханием Лео, раздался тихий, металлический скрежет. Алекс, всё ещё держа Лилу, поднял голову. Он медленно протянул свободную руку к поясу убитого мародёра, нащупал пряжку, расстегнул её и вытащил полупустой подсумок. Безо всякого выражения на лице он перекинул его через плечо. Затем пальцы скользнули в карман второго тела, извлекая затупленный обломок ножа. Он протянул его Саре.

– Бери. Теперь их на одного меньше.

Сара взяла нож. Пальцы сомкнулись на рукояти. Она посмотрела на Алекса, на Лео, на тела. Это был не просто трофей. Это был язык выживания, который Алекс только что озвучил.

– Дальше путь чист, – тихо сказал Лео. В его голосе не было прежней бравады. Было признание. Он смотрел на Алекса не как на чудовище, а как на оружие, которое теперь на их стороне. Страшное, непредсказуемое, но их.

Алекс кивнул, отпуская Лилу. Встал, поправил рюкзак. Движения снова стали точными, экономичными. Он взял дубинку, проверил вес в руке и сделал шаг вперёд, к выходу из камеры, не оглядываясь.

Лила посмотрела на отца, потом на нож в руке Сары. Она ничего не сказала. Просто подняла с пола свою палочку, стёрла рисунок трёх фигурок в пыли и, сделав глубокий вдох, пошла за ним. Старалась шагать бесшумно. Её детство

закончилось. Теперь у неё был не просто папа. У неё был капитан. И урок был усвоен: в этом мире выживает тот, кто умеет стирать кровь и идти дальше.

Глава 12. Цена выживания

Адреналин отступил, но не оставил после себя пустоты. Он кристаллизовался во что-то новое – холодное, тяжёлое и невероятно острое, как лезвие, затаённое под рёбрами. Алекс уже не сидел на корточках. Он стоял, методично вытирая ладони о брезент своих штанов. Тёмные разводы на ткани не стирались, они лишь меняли форму, впитываясь в ткань, как его новая реальность впитывалась в кожу.

Его взгляд был не остекленевшим, а прицельным. Он скользнул по телам, оценивая, что ещё можно использовать, затем – по лицам своих новых союзников. На поясе у него болтался трофейный подсумок, а за спиной, в рюкзаке, лежал затупленный нож, который он отдал Саре, но взял себе запасной клинок поменьше. Инстинкт инженера уже работал: система обезврежена, ресурсы извлечены, группа готова к перемещению.

– Ты их... добил? – голос Лео был приглушённым, но теперь в нём слышалось не неловкое уважение, а настороженное перепроверение границ. Он смотрел не на Алекс, а на его руки, выполнявшие чёткую, бесстрастную работу.

Алекс медленно поднял голову. Его взгляд встретился с

Лео.

– Они были угрозой, – его голос звучал ровно, почти механически. В нём не было ни ярости, ни оправданий. Только констатация факта, как в техническом отчёте о ликвидации неисправности. – Угрозу нейтрализуют. Так здесь устроено. – Он сделал паузу, переводя взгляд на Сару, которая вышла из-за укрытия. – Теперь мы – новая угроза для Грикса. Он будет мстить. Двигаемся. Сейчас же.

Он не спрашивал. Он констатировал и приказывал. И в его тоне была та самая неоспоримая правда человека, который только что доказал эффективность своего метода на практике.

Сара кивнула, её лицо было бледным, но собранным. Она бросила быстрый взгляд на новый нож у своего пояса, потом на Алекса.

– Музей, – сказала она, и это было уже не предложение, а доклад по команде. – Там есть выход. И пристанище. Место, которое мы нашли. «Архив».

Лео мрачно фыркнул, но его протест теперь был ритуальным, привычным ворчанием подчинённого. Он вытер лезвие своего ножа о штанину – но уже не торопясь, а с той же методичностью, что и Алекс.

– Было безопасно. Пока мы не привели с собой... – он

запнулся, ища слово, и закончил с новой, горькой прямоотой:
– ...пока мы не привели с собой оружие.

Алекс не почувствовал укола вины. Он ощутил тяжесть ответственности. Он сделал то, что должен был. И теперь он вёл.

– Веди, – сказал он Саре. Это был приказ, отданный тому, кто знал путь. Чёткое разделение ролей.

Лила молча следовала за взрослыми по новому лабиринту тоннелей. Тёмные проходы её больше не пугали. Настоящий ужас она видела в глазах отца – ту пустоту, что возникла в них во время схватки. Она сжала в кармане маленький, гладкий камушек, подобранный с папой на берегу Темзы «до». Теперь он казался холодным и чужим.

– Твой папа... он сильный, – тихо сказал Мика, поравнявшись с ней.

Лила кивнула, не глядя на него.

– Он должен быть сильным, – так же тихо ответила она.
– Чтобы мы выжили.

Внутри неё осела простая и страшная истина: её папа убивал людей. Чтобы защитить её. И часть её детства, та последняя, хрупкая часть, навсегда осталась в той технической камере.

Путь занял ещё около часа. Сара вела их с уверенностью, говорящей о многомесячных скитаниях. Наконец они упёрлись в массивную, покрытую ржавчиной дверь с выцветшей

табличкой «Технический персонал». Лео ввёл код на клавиатуре, которую Алекс сначала принял за сорванную панель. Дверь с глухим скрежетом отъехала в сторону.

То, что они увидели внутри, заставило Алекса на мгновение забыть о боли и усталости.

Это был не просто подвал. Это был настоящий ковчег. Просторное помещение, очевидно, бомбоубежище времён Холодной войны, модернизированное и приспособленное для долгосрочного выживания. Вдоль стен стояли стеллажи с консервами, медицинскими препаратами, инструментами. Горели светодиодные лампы, питаемые от тихо гудящего генератора. В воздухе пахло не плесенью, а озоном и... книгами.

В центре зала, за столом, заваленным бумажными картами и старыми книгами, сидел седовласый мужчина в очках. Он поднял на них спокойный, изучающий взгляд.

– Профессор, – сказала Сара. – У нас... гости. И проблемы.

Учёный – а он, несомненно, был учёным – отложил ручку. Его взгляд, за стёклами очков, скользнул по их лицам, задержался на Алексе, на его руках, на Лиле, вжавшейся в отца, и вернулся обратно к Алексу. Его голос был глубоким и удивительно спокойным.

– Проблемы – наша постоянная спутница, дорогая. А гости, способные пройти через фильтр Грикса... представляют интерес. – Он снял очки, протёр их краем халата, и Алекс

увидел глаза не просто учёного, а человека, который тоже что-то потерял навсегда. – Вы ранены?

Алекс покачал головой, чувствуя себя неловко в этой, почти цивилизованной, обстановке.

– Нет. Спасибо. Мы... ищем способ уйти из города. Добраться до...

– До того, что осталось от свободных земель? – профессор грустно улыбнулся. – Их нет, молодой человек. Альянс методичен. «Грехопадение» было не хаотичным распадом. Это был хирургический удар по цивилизации. Сначала связь, потом инфраструктура, потом... идентичность. Но... – он обвёл рукой своё убежище, – ...есть альтернативы. Есть знания.

Он встал и медленно подошёл к стеллажу, где среди инструментов стояла в рамке пожелтевшая фотография: он сам, много моложе, и женщина с двумя детьми-подростками на фоне какого-то огромного, футуристичного ускорителя частиц. Его палец на миг коснулся стекла.

– Я был биофизиком. Проект «Омега» в ЦЕРНе. Мы искали тёмные частицы, а нашли... нечто иное. Неустойчивый пси-резонанс в земной коре. Наши отчёты легли в основу стратегии Альянса. Мы дали им карту аномалий, которую они превратили в карту целей. – Он повернулся к Алексу. Его спокойствие теперь казалось не безмятежным, а ледяным, выстраданным. – Я здесь не потому, что спрятался. Я здесь потому, что должен был спрятать это.

Он отодвинул карту, под которой Алекс разглядел чертежи, заставившие его сердце биться чаще. Это были не военные схемы. Это были проекты систем очистки воды и воздуха. Очень похожие на его собственные, довоенные.

– Мои коллеги пошли на службу, оправдываясь «высшей необходимостью». Я сбежал с жен... с семьёй. Добрался сюда. Но бункер – не санаторий. Когда пришла «чистка» этого сектора... – Он замолчал, снова взглянув на фотографию. – Сара и Лео нашли меня здесь одного. С тех пор мы ищем не спасения. Мы ищем способ исправить то, что отчасти начал я.

Его взгляд снова стал пронзительным, теперь уже лишённым сантиментов. Он смотрел на Алекса как на ресурс, и в этой честности было больше уважения, чем в любой жалости.

– И, судя по вашим рукам, у вас тоже есть кое-что ценное. Не только кулаки. Вы инженер, не так ли?

Алекс почувствовал, как в его груди что-то шевельнулось. Надежда? Нет, слишком громкое слово. Скорее, возможность. Возможность снова стать тем, кем он был. Созидателем. Хотя бы на время.

– Я был, – тихо сказал он.

– Алекс.

– Майлз Рид, – представился седой мужчина. – Добро пожаловать в «Архив». Возможно, ваше появление – не просто случайность. Возможно, это ответ на вопрос, который я уже

почти перестал задавать.

Он отодвинул карту полностью, открыв чертежи. Рядом с ними лежал потрёпанный лабораторный журнал с тревожными графиками и пометкой «Протокол «Корень». Предварительный анализ угрозы».

Маршрут бегства внезапно перестал быть просто бегством. Он превратился во что-то иное. В долг.

Глава 13. Критическая масса

Командный центр гудел, словно растревоженный улей. Открытие «жучка» на «Ковчеге-7» разорвало последние иллюзии о спасательной миссии. Картер отдал приказ о тотальном сканировании станции. На главном экране замерло увеличенное изображение устройства – крошечной капсулы из чёрного карбона с инкрустацией из сапфировых микросхем, идеально сливавшейся с угольным покрытием корпуса.

Параллельно Лиам, как теневой аналитик, пытался расшифровать протоколы передачи данных с ретранслятора.

– Они ведут себя слишком спокойно, – Ева подошла к нему, держа в руках планшет с обновлёнными медицинскими данными. Её голос был напряжённым. – Мои люди сообщают – земляне не проявляют признаков стресса. Ни повышенного кортизола, ни скачков давления. После того как мы раскрыли их шпионскую игру! Это... ненормально.

– Или это значит, что они получили новые приказы и уверены в своём преимуществе, – мрачно парировал Картер. Он смотрел на главный экран, где рядом с пульсирующим графиком аномалии висело изображение «жучка». – Лиам, какие версии?

Лиам оторвался от монитора, его лицо было мрачным.

– Данные ушли на спутник-ретранслятор Земного Альянса на высокой орбите. Но это... канал с максимальным приоритетом и сверхшифрованием. Это не обычные телеметрические данные. Это доклад для самого высокого командования. И, Картер... – он понизил голос, – ...я поймал фантомный сигнал. Исходящий не от «Ковчега», а откуда-то извне, в сторону того же ретранслятора. Сверхкороткая вспышка. Как ответ на их передачу.

Ледяная тяжесть опустилась на плечи Картера. Ответ. Значит, кто-то или что-то уже там, на орбите, получило их сообщение. Он почувствовал, как под ложечкой похолодело, а во рту возник привкус меди. Они уже здесь. Не внизу, на пыльной равнине, а там, в черноте над нами, наводя прицелы.

В своём кабинете Ирина Вос заканчивала изучать отчёты, переданные её скрытыми датчиками. Графики аномалии, пульс колонистов, износ систем. Всё говорило об одном: станция «Первозданный» превратилась в нестабильный актив. А такие активы в протоколах Альянса подлежали либо немедленному захвату, либо утилизации.

Планшет на столе коротко вибрировал. Входящее сообщение. Текст был лаконичен:

«Пакет получен. Ситуация признана критической. Санкция на операцию "Очистка" подтверждена. Инициация по вашему сигналу. Окно – 24 земных часа».

Вос холодно улыбнулась, ощущая под пальцами гладкий, прохладный корпус устройства. Очистка. Мускул под левым глазом дрогнул – единственная внешняя утечка нервного напряжения, которую она себе позволила.

Она поднялась и направилась к выходу. Шаги в пустом коридоре звучали сухо и отчётливо, как отсчёт таймера. Пора было заканчивать эту игру.

Именно в этот момент датчики в шахте № 4 зафиксировали не просто всплеск, а настоящий энергетический шторм. График ушёл в красную зону, зашкаливая по всем параметрам. Одновременно по всей станции померк свет, и системы жизнеобеспечения перешли на аварийные буферы.

– Картер! – закричал Лиам. – Аномалия! Она... она не просто пульсирует! Она формирует какой-то когерентный энергопаттерн!

На экране пульсировала геометрическая фигура. Она не просто росла – она вращалась в измерении, которого монитор отобразить не мог, создавая мучительную для мозга иллюзию глубины, вывернутой наизнанку. Одновременно датчики фиксировали абсолютный нуль в эпицентре и скачок

температуры на периферии, нарушая все законы термодинамики.

– И... – он с ужасом посмотрел на другой экран, – ...сейсмические датчики показывают подвижку породы прямо под нами! Направленную!

Сирены выли на одной надрывной ноте. Дверь с глухим лязгом заблокировалась, а затем плавно, почти бесшумно разошлась. На пороге, окутанная багровым миганием аварийных ламп, стояла майор Вос.

Она сделала ровно три шага, расчётливо занимая центр отсека. Её взгляд – холодный и плоский, как сталь – медленно скользнул по лицам колонистов, прежде чем пригвоздить Картера.

– Капитан Картер... – её голос не пытался перекрыть хаос. Он разрезал вой сирен, как скальпель – воспалённую плоть. В этой ледяной чёткости было больше угрозы, чем в любом крике. – В связи с чрезвычайной ситуацией, угрожающей безопасности объекта, я, на основании полномочий Земного Альянса, снимаю вас с поста командующего станцией «Первозданный». Командование переходит ко мне. Лейтенант Морс, задержите капитана и его персонал.

один из её оперативников наклонился к панели общего оповещения. Его движение – не грубый захват, а жест администратора. Он ввёл код, и по всем каналам связи станции

полилсь ровный, синтезированный женский голос:

«Внимание персоналу «Первозданный». В связи с ЧС и решением командования Земного Альянса о введении прямого управления, канал связи с Землёй приостановлен. Персональные сеансы отменены. Запросы на передачу данных направляйте новому командованию для утверждения. Далее следует повтор...»

Сообщение зациклилось, превратившись в назойливый гул. Это была не просто ампутация. Это была гильотина.

В жилом секторе доктор Келлер, услышав сообщение, непроизвольно разжал пальцы. Фотография жены, которую он пытался вызвать на экран день назад, медленно опустилась на пол.

Рядом замерла Майя. Семь месяцев она по винтику собирала этот передатчик, выменивая детали на пайки, чтобы отправить хотя бы слово сестре в Европу. Теперь самодельный корпус, еще теплый от её ладоней, казался просто куском мертвого пластика. Пальцы Майи бессильно разжались.

Вос не повернула головы. Она прислушивалась к гулу своего приказа, разносящегося по владениям. Для неё это была музыка порядка. Для колонистов – похоронный звон по последней нитке, связывавшей их с домом.

«Теперь вы полностью наши», – говорил этот гул. – И ваши мысли, и надежды, и мольбы – всё проходит через нас».

Пока её ледяные слова разили воздух, пальцы Лиама, не отрываясь от клавиатуры, совершили изящное, слепое дви-

жение – макрокоманду. На экранах поплыла маскировочная заставка, а на заднем плане быстро архивировались и шифровались все файлы проекта «Аномалия».

Келлер сидел на корточках, свет фонарика выхватывал из полумрака новые, яростно-красные грани «Близнецов». Сообщение Вос об отключении связи уже отгремело, оставив после себя лишь глухую, вязкую тишину. Тишину, которая теперь, казалось, обрела плотность.

«Это не жизнь, – пронеслось у него в голове, – это ее грустная карикатура...» – слова коллеги всплыли в памяти.

Но теперь он знал, что она ошибалась. Это было нечто иное. Не жизнь. Функция.

Он протянул палец и коснулся острия Ветви Бета. Не холод – абсолютное отсутствие температуры. Нейтральность. Он знал, что сейчас происходит где-то в мантии Марса. То же самое, только в масштабах планеты.

«Воля к форме. Вопрос: является ли воля к форме аналогом воли к жизни в неорганической матрице?» – его записи в журнале.

Он знал ответ. Воля к форме была сильнее. Она не тратила энергию на страх, боль или надежду. Она просто была. Она росла. И его «Сад» теперь не был экспериментом. Это был первый контакт. Не с инопланетной формой жизни, а с логикой, которая не могла понять, зачем человеку нужна свобода, если из него выходит такой неоптимальный, грязный ил.

Он посмотрел на свои пальцы, на ногтях – следы грязи, ор-

ганики. Он был носителем того самого «шума», который система пыталась заглушить. Он был уязвим. Он был... неэффективен.

Келлер сжал журнал. Он больше не был судьей самому себе. Он был просто переменной, которую скоро вычислят и оптимизируют. Он увидел, как одна из мелких граней «Близнецов» чуть изменила свое положение, повернувшись на миллиметр в сторону станции, в сторону его пульсирующего сердца.

«Ветвь Бета агрессивна», – мысленно отметил он. «Она слушает».

Из-за спины Вос вышли двое оперативников с иммобилайзерами. Оружие напоминало скорпионьи жала – узкие, с тускло мерцающим на кончиках разрядом. Ева инстинктивно сделала полшага вперёд и вбок, заслонив собой терминал Лиамы. Её рука легла на корпус портативного медицинского сканера на поясе – твёрдый, увесистый брусок титана, в отчаянии способный стать дубинкой. Лиам вскочил.

Картер медленно повернулся к Вос. Он не смотрел на оружие. Только в её глаза. В этом взгляде не было ни гнева, ни страха. Только мёртвая ясность.

– Вы ошибаетесь, майор, – произнёс он тихо. – Вы можете забрать мои полномочия. Но вы не можете отменить тот факт, что эта штука под нами проснулась. И она реагирует

не на меня. Она реагирует на вас. На новый, агрессивный источник энергии. На угрозу.

Картер сделал шаг вперёд, игнорируя наведённые стволы.
– Так кто из нас сейчас настоящая угроза для станции?

В этот миг пол содрогнулся с такой силой, что переборки застонали. Несколько мониторов взорвались искрами. На центральном экране вместо ломаной линии возникла пульсирующая структура – сложная, как нейронная сеть, холодная, как кристалл. Она росла, заполняя собой всё пространство кадра.

Марс перестал быть декорацией. Он вступил в игру.

Из репродукторов вместо сирен прорвался низкочастотный, гортанный гул, словно сама планета скрипела зубами. У Евы из носа выступила алая капля. Давление резко упало, заложив уши. Картер, не отводя взгляда от Вос, медленно вытер ладонью кровь, выступившую на десне.

Теперь ты в моём мире, майор. В мире, где твои приказы ничего не значат.

Глава 14. Архив

«Архив» не был просто убежищем – он являлся живым сердцем утраченного мира. Стеллажи, утяжелённые фолантами по инженерии и физике, соседствовали с серверами, чей мерный гул наполнял пространство, как дыхание спящего исполина.

Профессор Рид, бывший декан, был из тех редких умов, что пытались остановить лавину, пока она ещё была далёким гулом.

– Ваши чертежи... – Алекс с почти религиозным трепетом коснулся схем рециркуляции. Он замер, его взгляд впился в узел очистки. – Стандартные полимеры разлагались под радиацией за полгода. Всё превращалось в ядовитую жижу...

Рид кивнул, и в его глазах вспыхнула искра профессиональной гордости:

– Пришлось уйти в керамику. Матричный фильтр с ионной промывкой. Втрое дороже, но срок службы исчисляется годами, а не месяцами.

Алекс внезапно подался вперёд, прослеживая пальцем линию теплообмена:

– И вы пустили избыточное тепло серверов на регенерацию? Замкнули цикл... В «Оазисе» мы бились над этим месяцами, но проект пустили под нож за день до первых испытаний. Как дерево, срубленное в цвету.

Профессор с затаённой болью посмотрел на чертёж. Его рука машинально, с болезненной педантичностью, выровняла стопку бумаг на столе. Этот жест был отточен годами – жест хранителя, чей мир сузился до этих стен, а главным инструментом осталась лишь безупречная чистота архива погибшей цивилизации.

– Теория была безупречной. Но мир предпочёл сжечь себя, а не очистить. Теперь эти знания – наш Ной, а этот подвал – ковчег. – Он посмотрел Алексу прямо в глаза. – Но у Ноя была цель. И команда. Вы, Алекс, могли бы стать моим первым помощником. Тем, кто не даст этому огню погаснуть.

Сара, наблюдая за ними, стояла чуть в стороне. Её пальцы бессознательно скользнули по корешку ближайшего тома – «Основы агрономии». Пыль на обресе осела тонкой серой полоской на коже. Это прикосновение к чему-то обыденному, забытому – к книге на полке, а не к консервной банке в рюкзаке – вызвало в груди странную, почти болезненную теплоту.

– Впервые за долгое время он выглядит... живым, – тихо сказала она, глядя на Алекса, но словно обращаясь к самой этой тишине среди книг.

Лео хмыкнул, но в его взгляде не было издевки:

– Пусть лучше чертит схемы, чем дробит кости. Хотя, признаю, в последнем он чертовски хорош.

Его взгляд уже блуждал по стеллажам. Отойдя к дальней стене, он остановился перед полкой, битком набитой потре-

паннами томами: «Тактика выживания в условиях радиационного заражения», «Полевая медицина», «Психология экстремальных ситуаций». Его рука, привыкшая сжимать нож, на миг замерла в воздухе, а затем грубовато, почти неловко, коснулась шершавого переплёта. Он ничего не сказал. Просто стоял, впитывая порядок этого места – абсолютный антипод хаосу, который стал его догмой. Его кивок в сторону Алекса был не просто согласием. В системе координат Лео, где ценность измерялась лишь полезностью, это стало высшим одобрением.

Пока взрослые обсуждали чертежи, Мика повёл Лилу вглубь «Архива» – к стеллажам с детскими книгами, вытасканными из-под завалов. Лила молча листала страницы, где на выцветшем небе сияло огромное жёлтое солнце, а под ним расстилались невероятно зелёные леса.

– Ты ведь помнишь это? – почти шёпотом спросил Мика.

– Как сон, – ответила Лила, не отрывая взгляда от нарисованного дерева. – Как что-то, что мне приснилось очень давно. А ты?

– Я помню, как шёл дождь, – сказал Мика. – Мама кричала, что нельзя выходить, потому что он ядовитый. А я стоял у окна и не мог понять: как что-то настолько красивое может убивать?

Они замолчали. Двое детей, запертых в бетонном склепе, хранили в памяти осколки мира, который навсегда канул в Лету. Лила вдруг ощутила странное, пугающее спокойствие.

Здесь, среди запаха старой бумаги и мерного гула серверов, посреди выжженной пустоши, впервые возникло нечто, что пахло домом.

– Куда ведёт ваш выход? – спросил Алекс профессора, указывая на запасной тоннель на карте.

– На поверхность. В тридцати километрах от города, в старом бункере гражданской обороны. Там больше пространства, есть геотермальный источник. Но... – профессор вздохнул, – ...до него нужно добраться. И это не просто переход. Это миграция. Нужны люди, ресурсы, план.

Алекс переводил взгляд с чертежей на Лизу, которая тихо смеялась над чем-то с Микой. В этом смехе, прорезающем тишину подвала, он видел не просто бегство. Он видел шанс. Шанс не просто выживать в норах, а начать строить заново. Заложить основы не убежища, а поселения. Использовать все свои знания, чтобы создать нечто устойчивое в этом рухнувшем мире. И этот шанс казался ему важнее, чем его собственная жизнь.

– У меня есть план, – тихо сказал он профессору. – Вернее, его основа. Но для этого нам нужно вернуться в город.

Сара и Лео переглянулись.

– Вернуться? После всего? Ты с ума сошёл!

– Не весь город, – Алекс указал на карту. – Там, в Доке № 3, спрятано «Сердце» – центральный энергоблок на расплавленных солях. Автономная машина, рассчитанная на век работы. Его мощности хватит, чтобы дать свет, тепло и ток це-

лому поселению. Но «Сердце» замуровано под двадцатиметровой толщей бетона, а его гул – это маяк для каждого стержня в радиусе пятидесяти километров. Разбудить его – всё равно что разжечь костёр посреди ночного поля боя и крикнуть: «Мы здесь!». Это не просто риск. Это вызов судьбе. Но без него мы обречены на медленное, серое угасание в этих норах.

Алекс смотрел на них, и в его глазах горел огонь, которого не было даже в пылу схватки с мародёрами. Это был свет созидания. Цена предстоящего пути была огромной, но впервые цель казалась выше этой цены.

Профессор Рид медленно кивнул:

– Обдуманый риск. Вы предлагаете не бежать от прошлого, а забрать у него лучшее для будущего.

Старик обвёл их взглядом, словно пересчитывая последних уцелевших.

– Ну так что? Бежим – или строим?

Молчание стало густым и звонким. Сара не отрывалась от чертежа поселения у источника – она уже обживала этот призрачный дом. Лео, скрестив руки на груди, сканировал карту города, мысленно расставляя посты и засады. Мика до белизны в костяшках сжимал в кармане свой камешек. А Лила... она смотрела на отца, и в её глазах Алекс впервые за долгие годы увидел не свинцовую усталость, а живое, почти забытое любопытство.

Решение вибрировало в воздухе, как натянутая струна.

Выживать – или, наконец, начать жить? Им предстояло выбрать не просто маршрут на карте, а тех, кем они станут в конце этого пути.

Глава 15. Чужая земля

Сирены зашлись в предсмертном крике. Пол содрогнулся, и в ответ на удар с потолка посыпалась металлическая пыль – ядовитая изморось в самом сердце шторма. Майор Вос и её люди покачнулись, и это мгновение нестабильности стало для Картера открытым прицелом.

– Ева, блокируй шлюз! Лиам, полный перенос управления на мой терминал! – голос Картера был тише сирен, но каждое слово вбивалось в воздух, как гвоздь. Он не просил. Он забирал обратно то, что у него попытались отнять.

С тяжелым лязгом массивные двери командного центра захлопнулись, заперев группу Вос в тесном тамбуре. Морс рванулся к панели, но Лиам был быстрее. Его пальцы летали по клавиатуре – слепой, отточенный танец, превращающий код в оружие.

Щелчки клавиш потонули в рёве тревоги, но через три секунды на главном экране вспыхнула зелёная надпись: «Права доступа переопределены. Приветствуем, командир Картер».

– Есть! Они в изоляторе. Все ключи у нас.

– Вы совершаете государственную измену, капитан! – голос Вос гремел из динамиков, но в нем впервые прослушивалась трещина. Не страх за людей – ужас перед потерей контроля над миссией.

– Нет, майор, – холодно парировал Картер, не отрывая взгляда от пульсирующей структуры на экране. – Я исполняю долг: защищаю станцию от слепого фанатизма. От вас. И, судя по всему, – он указал на монитор, – от этого.

– Картер, это не просто выброс, – голос Лиамы дрожал от благоговейного трепета. – Она ведет себя как нейросеть. Не генерирует энергию – анализирует. Она сканирует каждую систему, ловит частоту наших голосов, тепловые следы. И учится. Смотри!

На экране сейсмодатчики рисовали, как от эпицентра расходятся ритмичные импульсы, методично ощупывая опоры купола, фундамент «Ковчега-7» и силовые магистрали.

Импульсы повторяли паттерн: три коротких, один длинный. Как азбука Морзе. Или как стук в запертую дверь.

– Она ищет точки напряжения, – прошептала Ева, белея от догадки. – Как хирург, готовящийся к вскрытию. Или как хищник, нащупывающий сонную артерию.

Тем временем Вос в тамбуре, словно пантера в клетке, яростно била по панели управления, но железо молчало, отрезая её от власти. Стеклопанельная поверхность панели покрылась паутиной трещин под ударами её кастета. План «Очистки», её выстраданное детище, рассыпался, столкнувшись с примитивным мятежом и этой... геологической ересью.

Планшет в её руке завибрировал. Новое, зашифрованное сообщение:

«Сигнал не получен. Статус операции? Превышение ли-

мита инициирует протокол "КАРАНТИН"».

«Карантин». Слово ударило её в солнечное сплетение ледяным грузом. Потерянный актив. Утилизация для предотвращения распространения угрозы – технологической, биологической, информационной. Её карьера, её смысл – всё превращалось в цифру в отчёте о списании. Она не могла этого допустить. Не теперь, когда ключ был так близок.

– Картер! – её голос, впервые, сорвался в почти человеческий крик. – Вы не понимаете! Вы подписываете смертный приговор всем! Откройте дверь!

Картер услышал в этой интонации не ложь, а подлинный, животный ужас. Не перед ним. Перед последствиями, которые знал только Альянс.

Внезапно сирены захлебнулись и смолкли. Воцарилась оглушительная, густая тишина, давящая на барабанные перепонки. Свет перешел в тусклый багровый аварийный режим, окрашивая лица в цвет запекшейся крови. На главном экране данные по аномалии замерли, сложившись в идеально симметричную, гипнотическую мандалу. Затем погас и он.

В крошечной тьме зажегся лишь один-единственный терминал. На нем горели два слова, пришедшие с внешнего ретранслятора. Адресат – «Ковчег-7». Копия – командный центр «Первозданного».

ПРОТОКОЛ «КАРАНТИН». АКТИВИРОВАН.

Эти два слова висели в темноте, холодные, как приговор

на надгробии.

В наступившей тишине стало слышно всё: удары сердца в висках Картера.

Механический щелчок – это планшет выпал из рук Вос и ударился о металл тамбура.

И тонкий, едва уловимый писк – звук обрыва всех внутренних каналов.

Земля замолчала. Она больше не слушала. Она только диктовала.

Картер посмотрел на Еву. Она стояла, прижав ладонь ко рту. В багровом свете её глаза казались огромными и пустыми – взгляд врача, который ставит последний диагноз. Себе и всем остальным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.